

ОТ АВТОРА

Давным-давно, лет тридцать тому назад, моя коллега по Тайгинскому отделению железной дороги Л. И. Жарикова поведала о том, как одна женщина, её соседка по дому, в годы войны отказалась поверить сообщению о гибели сына. Звали этого героя-воина Александр Каплин. Его мама утверждала, что Саша был разведчиком в тылу врага и вовсе не погиб там, а продолжал выполнять секретное задание.

В начале войны, когда мать уже не получала от Александра никаких вестей, квартиру Каплиных посетили высокие военные чины. Предложили матери написать сыну письмо. Пообещали передать ему это послание и от него доставить весточку домой. Так в течение какого-то времени и обменивались мать с сыном короткими записками. Однако адреса сына Каплиной так никто и не сообщил. На её настойчивые просьбы ответ был один: пока такой возможности нет, нужно ещё немного подождать...

А потом, перед концом войны, пришло матери сообщение о гибели сына. Но она заявила, что не верит этой бумаге. Всем соседям, знакомым кротко говорила: «Живой Сашенька, я это знаю наверняка. Только нельзя ему пока домой вернуться, засекреченный он».

Женщина продолжала регулярно писать сыну письма в надежде, что опять придут к ней люди в

форме и скажут: «Давайте передадим Александру весточку от вас». Никто, конечно, больше не явился к матери с таким предложением, а она до смертного своего часа так и не поверила в гибель сына. С тем и ушла из жизни.

В музее школы, которую окончил А. Каплин, о нашем герое всего несколько строк. О его матери вообще ни слова. Неизвестно, что стало с бумагами Сашиной мамы после её ухода. Даже подлинного имени этой женщины я не узнала. Но поняла, что должна написать о таком подвиге материнской веры, должна помочь сохранить эту историю и светлую память о замечательном тайгинском парне, отдавшем жизнь за Родину, за тех, кому выпало жить.

1.

Десять лет прошло с той поры, как я похоронила Надежду Ивановну Климову, а всё тут, в её квартире, так же, как было при ней. И её шкатулка всё так же хранит в себе тайну. Не за семью печатями – за узелком, за бантиком на старой синей тесёмке. Что в ней, в этой шкатулке, я пока не знаю. Узнать не сложно, стоит только дёрнуть за конец тесёмки. Десять лет смотрю я изредка на эту шкатулку, но за верёвочку не дёргаю.

Припоминаю отчётливо день прощания с Надеждой Ивановной, когда я перед уходом на работу пообещала ей вызвать на дом врача. Хозяйка пристальным взглядом осмотрела квартиру, потом положила свою руку на мою и сказала: «В случае чего, Валюша, всё здесь твоё. Живи хозяйкой, распоряжайся по своему усмотрению всем, что останется после меня. Только одна просьба у меня к тебе: побереги шкатулку, ты знаешь её, одна она у меня. Когда вернётся мой Саша, отдашь ему. Ну, а если... Если не вернётся, – с трудом, изменившимся голосом произнесла Надежда Ивановна, – то лет через десять можешь делать с этой коробочкой всё, что тебе заблагорассудится».

И вот минуло десять с лишним лет со дня смерти такого дорогого для меня человека. Саша, а для меня Александр Николаевич, домой так и не вернулся. Значит, теперь я могу узнать тайну шкатулки?

Почему-то мои ладони повлажнели. Я почувствовала это, когда начала развязывать синюю тесёмку. С бьющимся сердцем приподняла крышку шкатулки. Под ней двумя ровными стопками лежали пожелтевшие от времени конверты. Я осторожно взяла один из них, верхний из правой стопки. Адреса на конверте не было, ни «туда», ни «обратно». Конверт оказался незапечатанным. Мой взгляд упал на нижний край сложенного вдвое листка. Там стояла дата: март 1975 года. Дата смерти Надежды Ивановны. Я развернула письмо и начала читать.

* * *

«Здравствуй, Сашенька! Что-то здоровье моё стало сдавать. Сегодня с утра такая боль сжимает сердце, что не нахожу себе места. Валя на работе. Обещала вызвать на дом врача. Хорошо, что придёт он ещё не скоро, после обеда, у меня есть время поговорить с тобой. Валюша настаивала на скорой, а я успокоила её, сказала, что ничего страшного со мной не случится, и уговорила ограничиться вызовом доктора. Это чтобы выкроить время на письмо к тебе. Не хочу, сынок, думать о плохом, но боюсь, как бы оно не стало последним».

* * *

Я прервала чтение. Слёзы затуманили глаза. Оттянула рукав кофты, вытерла их. А продолжить чтение не хватило сил: нахлынули воспоминания.

...Вот в первый раз перешагнула я порог школы не ученицей, а учителем. Помню, как переполняли меня тогда противоречивые чувства. Была тут и гордость, и радость: сбылось то, о чём мечтала с детства. Но были и сомнения: смогу ли, получится ли? Сейчас жаль себя ту, девятнадцатилетнюю. На первых порах сомнения брали верх. В школе я ещё держалась, а дома – снимала комнатку в частном секторе на окраине – ревела по ночам. Меня тогда сильно подкосила смерть моей мамы. Отца я не знала, его попросту у меня не было. Не было и не было. В детстве я думала, что так бывает. Не у одной меня папы не было. А когда выросла с мамой наравне, спросила у неё: кто мой отец?

Мама смутилась, сказала, что всегда ждала и боялась этого вопроса от меня. Но объяснила, как смогла. Отца моего толком мама и сама не знала. Не успела узнать. Во время войны она работала санитаркой в госпитале. А в марте сорок пятого обратил внимание на мою маму, тогда девятнадцатилетнюю девочку, один солдатик, из выздоравливающих. Петей его звали. Всё вздыхал он, грустно улыбался, маминой руки норовил коснуться... Когда из госпиталя его выписали, мамы на дежурстве не оказалось: день отдыха ей выпал. Петя узнал мамин адрес и пошёл к ней домой попрощаться. А вышло так, что остался до утра. Обещал писать с фронта, а после победы приехать к маме. Но ни одного письма не написал. И не приехал... Мама только лет через пять узнала через военкомат, что погиб её Петя в первом же бою после возвращения в винскую часть. Никого у мамы с тех пор больше не было. Из мужчин, я имею в виду. Но вот я появилась на свет после того прощания, той ночи.

У мамы осталась одна-единственная фотокарточка моего отца, маленькая, как на документ. Я её недавно догадалась отдать в фотосалон, увеличить до размера почтовой открытки. Смотрит с неё смешной, лопоухий, наголо стриженный, большеротый мальчишка в военной гимнастёрке. Мой папа...

Мама, сколько помню её, всегда что-то делала – не дома, так на работе. Никогда вроде серьёзно не болела. И вдруг умерла от сердечного приступа. Ей тогда было на год меньше, чем мне сейчас, – тридцать семь лет. Я себя в свои тридцать восемь ещё молодой считаю и думаю, что впереди у меня долгая жизнь. На здоровье не жалуясь. Но, конечно, нельзя сравнивать мою

жизнь и мамину или жизнь Надежды Ивановны. Столько невзгод вынесли они в годы войны.

Так вот, пришла я тогда, после маминой смерти, в школу. Нервы совсем сдали, чуть что не так – сразу в слёзы. Директриса глянет на меня исподлобья – начинаю плакать. Ученик мой, первоклассник Миша Дроздов, залепит мне жёванной промокашкой в затылок (и сам при этом страшно перепугается) – опять трагедия. Физрук, контуженный на войне, с какой-то издёвкой (возможно, кажущейся) отчетливо моё выговаривает по слогам: «Пе-тро-вна» – опять у меня едва до слёз дело не доходит.

Одним словом, к концу первого полугодия у меня настоящий комплекс неполноценности развился. Мысли стали появляться, что не для меня школа, менять надо работу. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, смотрю, как уборщица тётя Шура ступеньки тряпкой трёт, и жутко ей завидую. Ведь никакой нервотрёпки: отмыла полы – и иди себе отдыхай, голова не болит. И зарплата у неё почти такая же, как у учителя.

С квартирой тоже не повезло. Позарилась я на неё по той причине, что хозяйка моя, пожилая женщина, сказала: «Денег я с тебя, девонька, брать не буду. Ты мне только воду носи, и всё. Если согласная, заселяйся, боковушечка твоя будет». «Боковушечка» мне понравилась. Маленькая комнатка, но чистая, светлая, стол со скатертью у окна, кровать железная с постелью, стул, этажерка. И всё в моём распоряжении бесплатно. Очень это кстати при моей мизерной зарплате.

Перебралась я к Трофимовне, так звали старушку, и начала таскать из колодца воду вёдрами на коромысле. Я-то думала, ведра два принесу в день – нам и хватит. А, как выяснилось, у хозяйки полон двор разной живности: корова, два поросёнка, утки, куры. А ещё у хозяйки – готовка, самовар, постирушки чуть не каждый день. Так что воды приходилось приносить в день восемь, а то и десять вёдер. Приду с работы из школы – и за коромысло. Колодец от дома неблизко, с полкилометра до него, наверно. Пока натаскаю воды, уже стемнеет. И сил нет. А ведь ещё что-то приготовить на ужин надо, потом тетради учеников проверить, к урокам подготовиться. До полуночи за столом сижу, не высыпаюсь.

Плетусь однажды по тропинке, протоптанной в снегу, сгибаясь под тяжестью коромысла с вёдрами, и вдруг навстречу мне Надежда Ивановна – преподаватель немецкого языка нашей

школы. Говорит она мне удивлённо: «Валентина Петровна, вы что, в этих краях живёте? А я и не знала... К ученику своему домой наведальась, с мамой поговорить. Да вот вас встретила».

Прошлась тогда Надежда Ивановна со мной до дома, где я жила, порасспросила о житье-бытье моём, попрощалась и пошла к себе. А на другой день в школе после уроков окликнула меня: «Валентина Петровна, позвольте вас на минуточку!» Да и предложила неожиданно: «Если вы не против, перебирайтесь ко мне. Денег с вас, разумеется, я тоже брать не буду. И воду таскать не придётся. Водопровод в доме имеется, как и прочие удобства. Одно, может быть, для вас нехорошо, так это то, что надоем иной раз вам своими разговорами. Не хватает живого общения с близким человеком, вот и становлюсь не в меру болтливой».

Заметив моё замешательство, Надежда Ивановна добавила: «Только скажу вам сразу, поселю вас в ныне пустующей комнате моего сына с одним условием: как только он вернётся домой, вам придётся устроиваться с жильём заново».

Тогда-то, зимой шестьдесят пятого года, я и перебралась к Надежде Ивановне Климовой, временно, до возвращения Саши, как говорила его мама, как думала и я. А это «временно» затянулось очень надолго. Вот уже два десятка лет минуло с той поры.

Помнится, через два-три месяца нашего совместного проживания с Надеждой Ивановной у меня и следа не осталось от «комплекса». Неужели это её тихие неторопливые беседы внесли в мою душу ясность и такой покой? «Привыкнешь, Валюша, – говорила она мне, – прикипишь сердцем к школе, как я, как другие учителя. А твои сегодняшние терзания... Как без них? Каждый человек когда-то проходит через это. Не сомневается в себе только отъявленный эгоист или глупец... Трудные ученики? Тут уж ничего не поделаешь. Они были, есть и будут во все времена. Только скажу тебе, Валенька, по секрету: многие не доставляющие никаких неприятностей отличники забылись со временем, стёрлись из памяти, а сорванцы, отнимавшие силы и здоровье, запомнились на всю жизнь. Вспоминаю их сейчас не с раздражением, а с улыбкой и сожалением о прошлом».

В последнее время много говорят о психологической совместимости или, наоборот, несовместимости людей. Вспоминая время, проведённое рядом с Надеждой Ивановной, думаю о

87

том, что у нас с ней совместимость была полнейшей. Несмотря на значительную разницу в возрасте – по годам Надежда Ивановна годилась мне в бабушки, – наши с ней вкусы, взгляды на многое в жизни совпадали полностью. С удивлением я то и дело обнаруживала, что мысли, высказанные Надеждой Ивановной, – касались ли они какого-то человека, или прочитанной книги, или кинофильма, или, скажем, международного события, – были и моими мыслями. Только выражать их так логично и последовательно, как это делала Надежда Ивановна, у меня не всегда получалось.

И через какое-то время я почувствовала, что она стала для меня очень близким человеком, почти родным, как моя мама. Было это тем более удивительно, что обычно я трудно схожусь с новыми людьми. И почему-то наши отношения стали ещё более тёплыми после того, как Надежда Ивановна рассталась со школой. Далось ей это нелегко, но уже и возраст заявлял о себе: Надежде Ивановне тогда исполнилось 63 года.

Я приходила с работы домой, и меня всегда ждал готовый обед. Хозяйка накрывала стол в просторной кухне, каких теперь не делают в многоквартирных домах. Мне было тепло, комфортно, хорошо. Совсем как когда-то мама, Надежда Ивановна сетовала на мой плохой аппетит (хотя лично я была на него не в обиде). Потом мы вместе убрали со стола, мыли посуду и отправлялись в комнату Надежды Ивановны – посидеть на диване, побеседовать. В первую очередь, конечно же, о школе. Старую учительницу интересовало всё: как прошли мои уроки, чем живут сегодня ребята, к чему готовят себя, кем мечтают стать. Иногда, довольно редко, Надежда Ивановна заводила речь о сыне. Говорила она о Саше осторожно, с недомолвками. Сначала я решила, что Александр за что-то осуждён, отбывает срок, по-видимому немалый, где-то в колонии. Но Надежда Ивановна говорила о сыне с таким уважением, что моя версия насчёт тюрьмы рассыпалась в пух и прах. Однажды я не выдержала и спросила: «Надежда Ивановна, а где находится ваш сын?» Спросила и тут же пожалела об этом. Потому что от моего вопроса лицо Надежды Ивановны посуровело, будто окаменело. Собеседница моя сказала с усилием, изменившимся голосом: «Мой сын, Валюша, выполняет свой долг перед Родиной, находится на ответственном задании. А вернётся домой тогда, когда будет можно, когда выполнит до конца по-

рученное ему дело». После того случая разговора на эту щекотливую тему я больше никогда не заводила.

Иногда я заставляла Надежду Ивановну за одним, видимо чрезвычайно важным для неё, занятием. Сосредоточенная и вся ушедшая в себя, она доставала из недр книжного шкафа заветную шкатулочку, шуршала бумагами, что-то писала. В такие минуты я старалась не мешать ей и уединялась в своей комнате, вернее в комнате её сына. Да, Саша по-прежнему был хозяином этой комнаты. В шкафу стояли его любимые книги, в гардеробе висели его вещи: костюм, рубашки, плащ. На самодельной настенной полке стояли пожелтевшие от времени его модели самолётов и планеров. А со стены, с портрета, смотрел он сам – улыбающийся, молодой, красивый.

Снимок, с которого позже скопировали портрет, был явно удачный. Фотограф, а потом и художник запечатлели удивительно живое выражение лица Александра. Кажется, шёл парень своей дорогой, думал о хорошем-хорошем, и его окликнули. Саша повернул голову, глянул через плечо. Светлая прядь волос упала на высокий чистый лоб, полные мальчишеские губы тронула улыбка, глаза – смеющиеся, счастливые...

2.

Я опять взяла в руки письмо Надежды Ивановны, датированное мартом 1975 года. Её последнее письмо к сыну. Хотела продолжить чтение, но решила: если уж читать письма, то лучше в той последовательности, в какой они написаны. Осторожно перевернула шкатулку вверх дном. Под аккуратными стопками конвертов я обнаружила бумажный свёрток, перевязанный суровой ниткой. Развернула его и замерла от удивления: на мою ладонь легли три ордена – два Боевого Красного Знамени и орден Славы. Они глянцево сверкали, и эмаль, покрывавшая орден, была такой яркой, что казалось, награды получены совсем недавно. Сколько лет пролежали они в шкатулке? Как попали к Надежде Ивановне? Кому предназначены? Я ещё несколько минут подержала на ладони эти реликвии, погладила пальцами их холодную гладкую поверхность, а затем вернулась к стопке писем.

Теперь нижние конверты оказались наверху. С волнением взяла тот, на котором различила пометку карандашом: «№ 1». Вынула письмо и начала его читать:

«Сашенька, родной! Прошло уже 4 месяца с того дня, как я проводила тебя. Какими томительными и бесконечно долгими показались мне они. От тебя нет ничего, кроме коротенькой записки, которая пришла в июле. Я не осуждаю тебя, сынок. Ты ведь предупредил меня в той записке, что писем от тебя некоторое время не будет. Я потерплю и дождусь тебя, Саша, чего бы мне это ни стоило. Самое главное я знаю: ты жив и здоров. Уже дважды, в августе и сентябре, мне сообщали об этом по телефону. Передавали от тебя привет и просили не беспокоиться. Даже деньги пришли мне к моему дню рождения телеграфом, без обратного адреса. Не знаю откуда, но точно знаю, что от тебя.

Сашенька, сыночек, как утомляет меня, просто обессиливает это неведение. Где ты, почему эта таинственность? Но надеюсь, что скоро всё прояснится. Буду ждать. А чтобы скоротать время, буду писать тебе письма. Не могу не говорить с тобой хотя бы таким образом, не делиться с тобой своими радостями и тревогами. Хотя радостей сейчас так мало, одни тревоги и остались. От папы два месяца тоже не было вестей, а на днях пришло письмо. Воюет, жив и здоров. Да разве это не радость для меня, что оба вы живы и здоровы?

Ах, сынок, где-то ты, что с тобой? Знать бы мне хоть самую малость о тебе. Ну, бог даст, скоро узнаю. (Вот уже и Бога вспомнила твоя неверующая мама.) А пока я буду писать тебе. Потом, когда я узнаю твой адрес, перешлю тебе эти письма. А может быть, этот кошмар вообще скоро кончится, ты вернёшься домой и мы втроём, с тобой и с папой, перечитаем письма и посмеёмся над моими сомнениями и пустыми страхами. А пока обнимаю тебя, мой родной, и желаю всем сердцем, всей душой: выживи, сыночек, вернись домой! Я так жду тебя, Сашенька!

Твоя мама. 18 октября 1941 года».

* * *

Я дочитала первое письмо Надежды Ивановны и задумалась. Как же так? Письмо, написанное в первый год войны, до сих пор лежит в шкатулке в ожидании того, кому адресовано? Не может такого быть! Ведь Надежда Ивановна всегда говорила о сыне как о живом. Она с такой уверенностью утверждала, что Саша занят выполнением ответственного и, как я догадывалась, секретного задания. Пока он не может ни приехать, ни написать, говорила Надежда Ива-

новна, но как только ему разрешат, он тотчас вернётся домой. И у меня не было причин в этом сомневаться. Правда, моя уверенность значительно поколебалась за последние десять лет, когда не стало Надежды Ивановны и уже некому было поддерживать веру в возвращение Александра.

От таких мыслей стало мне невмоготу, но я ухватилась за соломинку: может быть, он приезжал домой после войны, жил с матерью, читал её письма, оставил их на хранение в маминой шкатулке и уже позже, спустя годы, ему поручили выполнение того ответственного задания, о котором говорила Надежда Ивановна? Впрочем, всё станет понятным, решила я, стоит только прочесть все письма в таком порядке, в каком они пронумерованы. И я взяла конверт под номером 2.

* * *

«Сашенька, родной мой! Вестей от тебя по-прежнему нет, но главное я теперь знаю. Приходил ко мне один товарищ, уверял, что всё у тебя хорошо, и кое-что сообщил мне. Это «кое-что» не для посторонних ушей и даже не для письма, которое я сейчас пишу тебе. Не пойму, сыночек, то ли уменьшилась моя тревога за тебя после сообщения о тебе этого человека, то ли удесятирилась. Скорее – последнее. Но, по крайней мере, мне стала понятной причина твоего молчания. Оно было бы невыносимым, если бы я знала, что можешь написать, но не пишешь мне писем. Теперь знаю – не можешь. Я потерплю. Придёт время, будет можно, и ты напишешь мне длинное-длинное письмо обо всём. Или расскажешь всё при встрече.

Папа в своих письмах постоянно спрашивает о тебе, а я не могу ничего конкретного ему написать. Отделяюсь короткими фразами: «Всё у Саши хорошо, не беспокойся». Ах, Сашенька, привыкну ли к мысли, что ты так невозможно далеко от дома? Каждый день, каждый час для тебя испытание. Выдержишь ли ты его? Это теперь и от меня зависит, от того, каким учителем я была для тебя. Знать бы, Санечка, что всё так сложится, я бы во сто крат строже спрашивала с тебя на уроках за свой предмет... Хотя поблажек я для тебя никогда не делала. И хорошо, что мы с тобой так упорно работали над произношением. Пластинки патефонные нам здорово помогали, правда?

Я была счастлива, когда в старших классах ты серьёзно увлёкся немецким. Начал читать книги немецких поэтов и писателей в подлиннике. Мечтал о том, чтобы твоё произношение не отличалось от произношения немцев. А помнишь наших соседей Бернштейнов, высланных перед войной в Сибирь из Прибалтики? Когда ты – это было после десятого класса – заговорил с ними по-немецки, старый Бернштейн изумился и стал утверждать, что ты немец да к тому же уроженец Берлина, не иначе. Я была тогда горда за тебя и счастлива вдвойне – как мама и как твоя учительница.

Но не обернутся ли мои уроки немецкого для тебя трагедией, а для меня страшным горем? Не могу об этом не думать. Хочу верить, что всё будет хорошо: ты вернёшься ко мне и папа придёт домой. Ведь должна же кончиться эта война. Только когда?

Новый год наступил – наш с тобой любимый праздник. Сейчас он очень грустный для меня. Мы привыкли встречать его дома, всей семьёй. А в этот раз я сидела одна в пустой квартире. Рассматривала твои и папины фотографии. Но при этом не плакала. Ты веришь мне, сынок? Я не плачу. Мне не о чем плакать. Я верю, что оба вы – ты и папа – вернётесь домой.

2 января 1942 г.»

* * *

Сколько их, таких писем, горьких, страстных, в шкатулке Надежды Ивановны? Не могу ни думать о чём-то другом, ни заняться чем-либо, пока не прочту их все.

3.

«Саша, Сашенька, принялась за письмо к тебе и впервые подумала: хорошо, что не скоро прочтёшь эти строки. Сыночек мой, самый дорогой и близкий мне человек! Никого не осталось в моей жизни, кроме тебя. Сашенька, нет больше нашего папы. В это невозможно поверить до конца, но прошло уже три месяца с того дня, как я получила извещение о гибели Коли, похоронку, как их сейчас называют. Я не стала сразу сообщать тебе об этой мерзкой бумажонке. Не верилось в страшное. Надеялась, что это просто ошибка. А вскоре пришло мне письмо от папиных однополчан. Они подробно поведали о героической смерти в бою нашего папы.

Оказывается, можно пережить и такое: Коли нет, а я живу. И, кроме того, надо не просто жить,

надо ещё ежедневно ходить на работу, скрывая боль в сердце, и поддерживать, хотя бы словами, других, кому тоже плохо. А главное, я должна жить, чтобы дождаться тебя, дорогой сыночек. Куда и к кому ты будешь стремиться, если меня не станет? Я выдержу всё. Я буду ждать тебя и дождусь.

7 апреля 1942 г.»

* * *

«Сашенька, хочу поделиться с тобой теми трудностями, которые возникли у меня недавно в школе. Шестиклассники объявили вдруг бойкот моему предмету. Они, видишь ли, не хотят изучать «вражеский» язык. Попыталась убедить их, что немецкий народ и фашисты – понятия разные. Но для сегодняшних девочек и мальчиков немецкий – это язык Гитлера, и любые мои доводы в пользу знания иностранного языка рассыпались в пух и прах перед их ненавистью к немцам и всему, что с ними связано.

Несколько дней я ломала голову над тем, как мне переубедить эту воинственную братию. И знаешь, кто меня выручил? Ты, сынок. Я рассказала детям о советских разведчиках, работающих в тылу врага. «Представляете, – сказала я им, – как нужно знать язык неприятеля, чтобы у него не возникло ни малейшего подозрения, что перед ним чужой? А переводчики? Армии просто не обойтись без них. Ведь даже взятого в плен языка невозможно допросить без переводчика». Мои аники-воины поверили мне и в последнее время с жаром принялись изучать немецкий. А ты? Ты-то как там, мой мальчик?

До свиданья, родной. Твоя мама. 21 октября 1942 г.»

* * *

«Сашенька, я так горжусь тобой, мой мальчик! В канун празднования 25-й годовщины Октября я получила из Москвы поздравление с праздником и официальное сообщение о том, что тебя наградили орденом. Что-то, значит, ты сумел там сделать важное и нужное, если заслужил эту награду. Очень хочу верить, что дела твои идут неплохо, и помогают в этом тебе знания, твоя смелость и безупречный «берлинский» выговор.

Господи, как я боюсь за тебя! Береги себя, сыночек. Ради дела, ради победы, ради меня, твоей несчастной матери, береги себя, заклинаю!

Обнимаю тебя, целую, мама. 10 ноября 1942 г.»

* * *

Выходит, сын Надежды Ивановны в годы войны был разведчиком в тылу врага? Но почему же спустя двадцать лет после войны его мама намекала на то, что Александр сможет вернуться домой, когда «выполнит задание»? Если это так, неужели до сих пор живёт где-то в отрыве от родной земли Александр Николаевич Климов? Мне припомнилось, как пять лет назад я ездила по путёвке в Чехословакию. Шестнадцать дней довелось мне провести за рубежом, в братской республике. Мои товарищи по поездке восхищались красотами словацких и чешских городов, чистотой населённых пунктов, парков и лесов, обилием замечательно сохранившихся старинных костёлов и замков, розами на улицах и площадях. На всё это с удовольствием и любопытством поначалу взирала и я. Но отчего-то к концу отдыха на меня накатила тоска. Я представила: вдруг произошло бы что-то такое, из-за чего я не смогла бы вернуться на Родину и была бы вынуждена остаться в этом благословенном раю навсегда... От этой мысли всё на чужбине потеряло для меня привлекательность. До тоски потянуло на Родину.

А если на долгие-долгие годы обречён человек жить вдали от милой Родины и отчего дома?.. Неужели Александр ещё жив? Что же в этих письмах далее? Будет ли раскрыта мучившая меня в последнее время тайна семьи Климовых?

* * *

Вот и очередное послание Саше в моих руках – письмо в конверте под номером 6.

«Сашенька! Какой сегодня замечательно счастливый день. По радио передали сообщение о победе наших войск под Сталинградом. Столько дней и ночей не давали нам всем покоя горькие мысли о судьбе этого славного города. Страшно представить, сколько советских солдат сложили в этой бойне головушки. А ведь все они были кем-то горячо любимы и бесконечно дороги, как ты для меня. Столько горя уже принесла и ещё принесёт эта проклятая война.

Сыночек, прости, родной, начала письмо о радостном, а мысли одолевают тревожные, беспокойные. Твоё дело, то задание, которое ты выполняешь, кажется мне настолько важным, что я его неразрывно связываю с каждой новой победой над врагом – большой или не очень значительной. Теперь думаю, что в победе под Ста-

линградом есть доля и твоего участия. Мне теперь, после Сталинграда, будет легче тебя ждать.

5 февраля 1943 г. Мама».

* * *

«Сашенька! Глаза мои слипаются от усталости, руки болят от непривычной нелёгкой работы. Кожа на пальцах потрескалась, даже немного кровоточит. Я не жалею, пишу об этом только потому, что письмо ты прочтёшь не скоро, я к тому времени уже и не вспомню о мелких своих неприятностях сегодняшнего дня.

Я в отпуске. В школе каникулы, но большинство учеников-старшеклассников трудятся. Мальчики – в паровозном депо, девочки – на швейной фабрике. Работают наравне со взрослыми. А я вместе с другими учителями более месяца работаю в колхозе, познаю радости крестьянского труда. Да, сынок, есть и правда в нём свои радости, я это не для красного словца говорю. Кажется, только здесь, в деревне, разглядела я по-настоящему рассветы и закаты. Какая игра красок, какая красота... Здесь впервые довелось мне целыми днями, а они летом такие долгие, заниматься прополкой, сбором овощей и ещё – управляться с косой. Это далось мне труднее всего. Но после трёх-четырёх дней мытарств одолела я и эту премудрость.

Ну, а руки заживут, я надеюсь, за несколько дней, когда вернусь к городской жизни. Зато за работу в колхозе нас бесплатно кормят. Кроме этого, обещают выделить по окончании отработки овощей для школьной столовой. Так что будет у нас запас на зиму картошки, капусты, турнепса и свёклы. Будут у наших детишек бесплатные горячие обеды.

Сашенька, как ты там? Я вот, как только прирмусь за еду, особенно если что повкуснее перепадёт, о тебе думаю: ты-то как, сыт ли? Очень трудно с продуктами. Это и понятно: солдатухам, защитников кормить надо. Это сейчас самое главное. Ничего, всё выдержим. Нам здесь, в тылу, много не надо. Выстояли бы вы, а уж мы поработаем за себя и за вас.

19 июля 1943 г.».

4.

«Сыночек, опять захотелось поговорить с тобой о наболевшем. Я, кажется, тебе ещё не писала, что часть нашей школы переоборудовали под военный госпиталь. Это, знаешь, левое кры-

ло здания, где размещались начальные классы. Вроде бы изолировали госпиталь от классов, соорудили в коридоре глухую перегородку и вход сделали отдельный, с улицы, а запах лекарств всё равно просочился, распространился по всей школе. Во время уроков, когда стихает ребячий гомон, до нас доносятся порой глухие стоны и даже крики раненых.

Учителям и старшеклассникам приходится по выходным, а иногда и в обычные дни, по вечерам, выполнять роль сиделок возле тяжелобольных. Помогаем поить, кормить их, пишем письма родным. А малыши выступают перед ранеными с концертами: поют, читают стихи.

Недавно в наш госпиталь прибыли молоденькие девушки-санитарки. Их пятеро. На них нельзя смотреть без жалости, до того они худые, жёлтые, сморщенные, как старушки. Оказалось, этих девочек еле живых вывезли из блокадного Ленинграда. Что-то сотрётся из памяти человеческой спустя годы после этой войны, а Ленинград, я думаю, будут помнить всегда. И я ещё смела жаловаться на недоедание. Наши лишения в глубоком тылу ничтожны по сравнению с тем, что выпало на долю ленинградцев. Представляешь, Саша, девочки-ленинградки, слабенькие, в чём душа держится, отдают свою кровь раненым. А сами потом отлёживаются на кушетке, не в силах подняться с неё. Ну разве можно с таким народом, как наш, не одолеть врага, если даже вот такие девочки готовы отдать свою кровь, до капли, во имя победы?

11 февраля 1944 г.»

* * *

«Сыночек мой, сегодня у нас большой семейный праздник – твой день рождения. Помнишь, как проходили именины у нас дома? Всегда накануне двое из нас троих устраивали настоящий заговор против именинника, вернее в его честь. Тайком готовилась стенгазета, непременно яркая, красочная, с дружескими шаржами. Сочинялись стихи, пусть неумелые, но нам они казались замечательными. Помнишь свои? «Наша мама лучше всех. У неё приятный смех. Мы за это нашу маму любим с папой больше всех!» В седьмом, кажется, ты их сочинил.

Как счастливо мы жили. И как не умели ценить это счастье. Нам бы упиваться каждым днём, каждым часом. Подумать только, было время, когда в любой миг без всяких препятствий можно было коснуться друг друга – только

руку протяни. Нужно было каждый день той жизни воспринимать как праздник. Почему же тогда, в той мирной, бесконечно счастливой жизни, у людей находились поводы для недовольства, для мелочных ссор и раздоров? Воистину, подлинную цену всему, что дорого, познаёшь только тогда, когда это дорогое теряешь.

Впрочем, к чему эти грустные мысли? Праздник есть праздник. Будем думать и говорить о хорошем. Я верю, что у тебя, Сашенька, всё хорошо. Что, сынок, самое страшное в жизни? Я считаю – одиночество. Хочу, чтобы тебе было не слишком одиноко в этот день. Во всяком случае, всем сердцем и всеми мыслями твоя мама с тобой. Чувствуешь ли ты это?

Дома у нас сейчас как было всегда в твой праздник. На столе праздничная скатерть и вазочка с самыми первыми после зимы цветами – подснежниками. Ты их так любил собирать и приносить мне в подарок. Всё как всегда. Даже праздничный пирог на столе. Неважно, что испечён он по рецепту военного времени из тёртой картошки и отрубей. Вид у него всё равно аппетитный. А самое главное, нас за столом, как всегда, трое. Со мной ты и папа. Я поставила перед собой ваши фотографии в рамочках. Так мне теплее, несмотря на холод в квартире. Сейчас согреется чай и начнётся «пир на весь мир». Ты, сынок, по-прежнему любишь это выражение? В детстве все сказки, к месту и не к месту, ты заканчивал словами: «И начался пир на весь мир!»

Чайник закипел. Какое блаженство выпить горячего чаю. А тут ещё и пирог. Каков он на вкус? Сейчас отведаю. Боюсь, чай остынет... Ну вот, дописываю письмо и уписываю пирог. А что, в самом деле вкусный.

Сегодня тебе, сын, исполнилось двадцать два. Совсем взрослый мужчина. Твой папа в таком возрасте стал твоим отцом. Сашенька, что пожелать тебе в этот день? Конечно же, победы! Скорейшей победы над проклятым врагом и счастливого возвращения домой. Крепко, крепко целую тебя. Твоя мама.

15 мая 1944 года».

* * *

«Сашенька, как выяснилось, сегодня у меня трудовой юбилей. Представляешь, совсем забыла, что именно сегодня исполнилось двадцать лет с того дня, когда я впервые вошла учителем в класс. Двадцать лет, а я и не вспомнила об

этом. Утром вошла в учительскую и удивилась: с чего у наших девушек – я об учительницах речь веду – такие сияющие лица? И на столе огромный букет красных георгинов. Может быть, опять крупные достижения на фронте? А как оказалось, всё в мою честь. И слова такие тёплые, сынок, твоей маме говорили: нажелали всего доброго и чтобы тебя поскорее с победой дождалась. Все эти пожелания с моим самым главным – о тебе – совпали. Спасибо всем за это.

Знаешь, Саша, я всегда ревниво отношусь к парте, за которой ты сидел. Мне совсем не безразлично, кто из ребят её занимает. Помнишь своё место у окна? Так вот, сегодня я вошла в класс и, здороваясь с ребятами, первым делом, конечно же, посмотрела на твою парту. Проверишь ли, я опешила. На твоём месте сидел... ты! Ты, как десять лет назад в свои двенадцать лет. Та же вихрастая светлая чёлка, те же пытливые серые глаза, даже уши у этого новичка-пятниклассника были так же немного оттопырены, как у тебя двенадцатилетнего.

Я слышала раньше такое выражение: «пол качнулся под ногами», но не знала, как это бывает на самом деле. Теперь узнала. Когда увидела этого мальчика, в первый момент пол, точно, качнулся подо мной. И я поспешила сесть на стул, чтобы не упасть и не напугать детей.

Потом совладала с собой и пошла к бывшей твоей парте. Положила ладонь на стриженую макушку мальчугана, спросила, как его зовут. «Саша», – ответил он. Если бы назвался Климовым, я бы не очень удивилась. Фамилия у него была, конечно, другая. Да и сходства с тобой такого полного, как в первый момент, спустя какое-то время я уже не находила. Но тем не менее чувствую, что с сегодняшнего дня Саша Зайцев станет моим любимчиком. А до сих пор я гордилась тем, что никогда никого из своих учеников особо не выделяла, со всеми старалась обращаться одинаково ровно. Ну, ладно, пора в постель. Завтра вставать чуть свет, на работу идти.

До встречи, родной. Мама. 1 сентября 1944 г.»

* * *

«Сыночек мой, Сашенька! Вот и ещё один, казавшийся бесконечно долгим, военный год позади. Сегодня наступил новый, 1945 год. Встретила его дома, одна. Полночь, сижу на кровати, закутавшись в стёганое ватное одеяло. Холодно в квартире. Положила на колени толстую книгу, поверх неё лист бумаги. Пишу тебе письмо. Вче-

ра в школе проходил новогодний утренник для учащихся начальных классов. Ёлка была роскошная. Только мало уцелело довоенных стеклянных игрушек. Но ребята с нашей помощью с таким удовольствием делали самодельные ёлочные украшения, что ёлка уже не вмещала на себя их изобилие. Чего только не было на ней: разноцветные флажки, хлопушки, бумажные кораблики, самолётики, домики, куклы, гармошки, цепи... Дети всегда дети. Веселились как могли, пели, читали стихи. Я смотрела на них и украдкой вытирала слёзы, вспоминая тебя в их возрасте. А потом каждый ребёнок получил подарок. Какой? Тонкий кусочек хлеба размером в два спичечных коробка, посыпанный сахарным песком. Видел бы ты, Саша, с какой осторожностью детишки несли от Деда Мороза эти подарки, подставив ладонь свободной руки, чтобы, не дай бог, не упала с них на пол крошка или крупинка сахара.

Когда всё это кончится? Сколько осталось ждать? Месяц, два, три? Ясно, что финал уже близок. Только ты держись, сынок. Будь стойким, будь смелым, отважным, но и – заклинаю тебя! – будь осторожным. Помни, что у меня в целом свете нет никого, кроме тебя.

Твоя мама. 1 января 1945 г.»

* * *

Привычным движением вкладываю письмо в конверт. Беру следующее. Но что это? Конверт заклеен. Странно, до сих пор мне не попадалось ни одного запечатанного письма. Распечатать? Что-то меня удерживает. Почему-то ведь заклеила Надежда Ивановна именно этот конверт. А может быть, он не единственный такой?

Просматриваю письма, придерживая их стопку одной рукой, отгибая края конвертов другой. Нет, дальше опять идут незапечатанные. Рассматриваю загадочный конверт. Он ничем не отличается от других. Нет, отличается: на нём нет порядкового номера. Да, да! На конверте, который я только что отложила, дочитав письмо, значится номер одиннадцатый, на том, который идёт за заклеенным, – двенадцатый. А этот – без номера. Принимаюсь за очередное, двенадцатое по счёту письмо.

5.

«Саша, Сашенька, сынок! Не писала тебе целых четыре месяца. Выбило меня из колеи одно обстоятельство, над которым мы с тобой когда-

93

нибудь просто посмеёмся... Сегодня не могу удержаться от того, чтобы не написать тебе хотя бы несколько строк. Такое потрясающее событие: наши воины овладели Берлином! Это победа, сыночек, победа! Я верю: до встречи с тобой остаются считанные дни.

3 мая 1945 г.».

* * *

«Сыночек, сбылось, наконец-то свершилось то, чего ждали мы в эти страшные месяцы, годы. Победа! Сегодня слушала по радио выступление Иосифа Виссарионовича Сталина, его слова: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию». Саша, значит, теперь там тебя окружают свои, родные русские люди?! Значит это и то, что теперь ты сможешь если не примчаться тотчас ко мне, домой, то хотя бы прислать о себе весточку? Я знаю, сынок, ты напишешь мне в тот же час, как только у тебя появится возможность это сделать. Поэтому буду ждать твоего письма со дня на день. Господи, я, наверное, от счастья сойду с ума, когда увижу конверт с твоим почерком. А может быть, и не узнаю сразу твою руку, может быть, твой почерк изменился за это время, как и ты сам. Но ведь не настолько, чтобы его не узнала родная мать, правда, сынок? Ах, как я теперь буду ждать почтальона!

Твоя мама. 10 мая 1945 г.».

* * *

«Сашенька, родной мой! От тебя по-прежнему нет известий. Но я не в обиде на тебя. Не пишешь – значит, всё ещё не можешь, нелзя. Это и понятно: победить-то мы их победили, но сколько ещё предстоит потрудиться над тем, чтобы сделать из этих чудовищ людей. Умом я понимаю, сынок, что и немцы не все одинаковы. Были среди них Либкнехты и Тельманы. Но это, повторяю, только умом, но не сердцем. Сейчас для меня слово «немец» звучит только как «враг». Не знаю, смогу ли когда-нибудь переломить себя, чтобы относиться к этим понятиям по-другому.

Не представляю, какое задание ты теперь выполняешь, но думаю, что не менее ответственное, чем в годы войны. Скоро ли тебе разрешат открыться, а значит, и написать мне? Надеюсь, что скоро. Ничего, я подожду.

Почти три месяца прошло, как закончилась война, а всё ещё продолжают приходить домой фронтовики. Ты знаешь, Саня, кого я случайно встретила вчера на улице? Друга твоего закадычного, Витю Стрепетова. Ты понимаешь, Сашечка, ведь он в сорок третьем году как в воду канул. Маме его пришло с фронта сообщение, что Витя пропал без вести. А вчера – ты можешь представить себе моё изумление – меня окликнул совершенно незнакомый молодой мужчина: «Надежда Ивановна?» Только после этого я узнала Витю, по голосу. Странно это: по виду не узнала, а голос – вспомнила. Я затащила твоего школьного дружка к себе. Ненадолго, правда. Виктор спешил домой. Не успел ещё вдоволь поговориться с мамой и сёстрами. Рассказал, что был ранен, попал в плен. Бежал неудачно. Поймали, избивали, морили голодом и каторжной работой. Но – выжил, молодец. И теперь дома! Витя меня подбодрил. О тебе, разумеется, я ничего определённого рассказать ему не могла. Поддакнула только, когда он спросил: «А что, Саня тоже без вести?» Принялся утешать меня: «Ждите, Надежда Ивановна, придёт Санёк! Знаете сколько сейчас таких возвращаются?» А я и сама знаю, что ты, сыночек, вернёшься.

До встречи, родной. Мама. 3 августа 1945 г.».

* * *

97 «Сашенька! Что же это делается на свете? Такая страшная вест – этот ядерный взрыв в Японии. Что же это за оружие такое, сыночек, если за несколько минут уничтожено множество людей? Что же позволяют себе эти американцы? Чем они отличаются от проклятых фашистов? Неужели такое преступление пройдёт для виновных в его организации безнаказанно? О чём только думают люди? Жизнь так коротка. Живи, наслаждайся ею, трудись, люби ближних, воспитывай детей. Кому нужны кровопролития, новые войны, горькие слёзы матерей? Сталин сказал: «На всякий яд найдётся противоядие». Саша, я, кажется, догадываюсь, где ты и чем занимаешься, с чем связано теперь твоё новое секретное задание. Думаю, что есть прямая связь между атомной бомбой американцев и твоим затянувшимся отсутствием. Или я ошибаюсь? Ну да время внесёт ясность в этот вопрос.

Целую тебя, мама. 8 августа 1945 г.».

* * *

«Сашенька, вот и ещё одно зло одолела наша страна – победила, хотя бы частично, голод.

Очень тяжким был для меня, как, наверное, и для всех советских людей, прошлый год. Почему-то с продуктами в этом первом мирном году было хуже, чем даже в годы войны. Хотя это понятно: на начало войны в стране были хоть какие-то запасы впрок, а к концу истощились они до предела. И сейчас ох как долго до изобилия. В продуктовых магазинах, чтобы не пустовали витрины, их украсили бутафорными изделиями. За стеклом красуются огромные колбасы, покрытые лаком, круглые пудовые по виду головки сыра, пустые консервные банки с яркими наклейками, соблазнительные фрукты, как натуральные, но из папье-маше. Пройдёшь мимо, посмотришь на этот мираж, и дрогнет болезненно сердце: когда-то всё это было в действительности. И затеплится надежда, что опять такое изобилие вернётся. Дай-то бог. Детишек, правда, сегодня жалко. Не понимают, что горки конфет в вазах – это деревяшки в ярких бумажках, просят: «Мамочка, купи!»

И всё-таки, несмотря на эту временную бутафорию, я говорю, что самый страшный голод мы одолели. Сегодня, убив половину своего выходного дня и выстояв огромную очередь, я купила целую буханку белого хлеба. Называется он коммерческим и стоит намного дороже того, который дают по карточкам, но, сынок, какое же это чудо. Принесла хлеб домой, положила его на стол и не могла насмотреться на пышный, высокий, румяный каравай. Столько лет не видела такого чуда. Я легонько гладила хлеб кончиками пальцев, вдыхала изумительный аромат свежей выпечки и никак не могла отважиться отрезать хоть маленький кусочек.

Наконец решилась, отрезала тонкую краюшку. Внутри хлеб был ноздристым, ещё более прекрасным и аппетитным на вид. Съела корочку, запивая кипятком, и совсем не утолила голода, но собралась спрятать начатую буханку подальше с глаз, в шкаф. А потом с радостью подумала, что можно наконец поесть хлеба вволю, что можно теперь в любой день купить такую буханку или даже две. Пишу тебе, Санечка, эти строки и вспоминаю лица людей, купивших чудесный хлеб. Они светились счастьем. То и дело попадались навстречу женщины, дети, старики с буханками хлеба в руках. И у всех – улыбки на лицах.

Не могу сдержать слёз, текут по щекам сами собой. Думаю сейчас: насколько для меня был

бы слаще этот хлеб, если бы я могла поделиться им с тобой, с папой...

23 марта 1947 г.»

* * *

«Сыночек мой, Сашенька! Думала, что твой день рождения проведу сегодня одна, как уж повелось. А тут приятный сюрприз: в шестом часу вечера нагрянул ко мне твой добрый друг, Виктор Стрепетов. Не забыл, что сегодня твой день рождения. Пришёл с бутылкой красного вина, возбуждённый, весёлый. Оказывается, позавчера Витя стал отцом, дочка у него родилась. Пришлось мне пригубить рюмку за здоровье новорожденной.

Да, Санечка, я ведь не писала тебе, что друг твой, Витя, женился. Помнишь Наташу Рогозину? Рыженькая такая. Она на два класса младше вас шла. Но была заметной в школе: в хоре пела, стихи хорошо читала. Помнишь? А теперь вот она жена нашего Витюши и мама Катьки. Катериной Стрепетовы дочку нарекли. Какое же это счастье – ребёнок.

Тебе исполнилось сегодня двадцать шесть... Ничего, вернёшься домой, и будет у тебя всё: любовь, семья, дети. И я ещё успею помянуть внучат. Правда, сынок?

15 мая 1948 г.»

95

6.

«Ах, Саша, Саша! Все мысли мои о тебе. Когда работаю, ещё как-то отвлекаюсь, поневоле приходится думать о другом. А сейчас у меня отпуск. Занимаюсь уборкой квартиры. Вчера перебирала твои вещи. Кое-что перестирала, просушила, погладила. Что-то аккуратно стопкой сложила, другое повесила на плечиках в шкафу. И на душе сделалось теплее и спокойнее от такой приятной работы. Сегодня книжным шкафом занялась, это всегда надолго. Когда книги разбираю, в каждую заглянуть хочется, с каждой что-то связано. Ещё сокровенный пакет распакую, над ним посижу. Что в нём? Завернула в плотную бумагу и перевязала шпагатом самое дорогое для меня: твой дневник, который ты вёл в подростковом возрасте, твои школьные сочинения, альбомы с рисунками, конспекты по немецкому языку, чертежи авиамоделей, выполненные тобой... Всё, чем ты жил, что интересовало тебя, всё там.

Шестой год пошёл, как кончилась война. Давно вернулись с неё все, кому суждено было

вернуться. Но они ведь были совсем на другом положении, в отличие от тебя. И я тебя всё ещё жду, сынок, жду.

Хлопнет ночью входная дверь в подъезде, и словно оборвётся всё во мне от этого звука. Лежу и прислушиваюсь к шагам. Кто-то поднимается по ступенькам лестницы на второй этаж. Ночью все звуки особенно отчётливо слышны. Вот стихают шаги. И я представляю, что это ты стоишь за дверью и почему-то медлишь, не стучишься в дверь, не нажимаешь кнопку звонка. Я, как есть в ночной сорочке, босиком бегу к двери, замирая, прислушиваюсь. Спрашиваю громким шёпотом: «Кто там?» И так жажду услышать в ответ: «Это я, мама, открой». Но за дверью тишина. Не верю в неё. Непослушными пальцами поворачиваю ключ в замке. За дверью никого. Совершенно разбитая, ложусь в постель. Что это было? Сон или явь? Не понимаю. Долго-долго не могу заснуть. Ведь такое повторяется нередко. Каждый раз мне кажется, что шаги вошедшего в подъезд обрываются именно за моей дверью. А потом – тишина. Что это, господи?!

Я не теряю надежды, сыночек. Я буду ждать тебя долго, всегда. Когда-нибудь вот так же, ночью, открою дверь, а за ней будешь стоять ты... Без веры в это мне было бы незачем жить.

17 июля 1950 г.»

* * *

«Саша, если бы ты был сейчас со мной, знаю: тебя всерьёз огорчило бы то, о чём моё письмо. Умер директор нашей школы, Крупнов. Был он человеком большой души, педагогом от Бога. Сколько я проработала в школе, столько лет знала нашего директора.

Прихватило Сергея Борисовича во время урока. Стало плохо с сердцем. Ученики выбежали из класса, зашумели в коридоре, позвали учителей. Довели под руки Крупнова кое-как до кабинета, вызвали врача. Только приехал он на больничной старой кляче слишком поздно. Сергею Борисовичу было уже не помочь. Тяжёлая это утрата для всех. Крупнова уважали педагоги и любили ученики. Он ведь до последнего вздоха вёл в старших классах историю. Был он и твоим, Саша, учителем.

Сегодня похоронили нашего директора. Ну и погода выдалась: мороз под сорок, каждый звук за километр, наверно, слышен. А музыкантам пришлось играть траурный марш. Представляешь? Зато и звуки оркестра были слышны на

всех окраинах нашего городка. Никого из близких не осталось у Крупнова. Жену, Марфу Даниловну, похоронил он в войну, когда одну за другой получили родители похоронки на обоих сыновей. Не пережила этого мать. Да и как пережить такое?

Жаль, ах как жаль Крупнова. Я его и своим учителем считаю. Так помог он мне словом и делом во время моего становления как педагога. Кто теперь заменит его? Будет ли преемник достоин Сергея Борисовича?

18 декабря 1951 г.»

* * *

«Ну вот, сынок, прошёл и ещё один год. Кончились зимние каникулы, и снова – работа. Нам назначили нового директора – Лидию Николаевну Левашкину. Около трёх лет она заведовала гороно. Бывала у нас по служебным делам в школе. И чем-то – высокомерием, что ли, манерой разговаривать с людьми – не нравилась мне уже тогда. Да и не только мне. Такие «маленькие» человеческие слабости, свойственные Левашкиной, я готова извинить людям с блестящими деловыми качествами. Но когда человек ничемный, который только и умеет что пыжиться и выдавать прописные истины за собственные откровения... Нет, видимо, я предвзято отношусь к новенькой директрисе, невольно сравнивая её с Сергеем Борисовичем Крупновым. Я не настолько хорошо знаю Левашкину, чтобы делать о ней скоропалительные выводы. Слыхала только, что работу в гороно она завалила, рассорилась со всеми своими подчинёнными. Но, может быть, именно в нашей школе, на посту директора, и проявятся её скрытые способности.

Поживём – увидим. А сравнивать поведение, слова, жесты Левашкиной с Крупновым мне не следовало. Всё будет не в её пользу. Крупнов был педагог милостью Божьей, а это не каждому дано.

14 января 1952 г.»

* * *

«Сашенька, какой сегодня день тяжёлый. Скорбная весть облетела нашу страну: умер Сталин. Не укладывается это в сознании. Иосиф Виссарионович казался вечным, как земля и небо, и бессмертным, как сам Господь Бог. А ведь на самом деле был он пожилым человеком, много всякого повидавшим в жизни, со своими, как говорится, болячками. По радио уже с неделю передавали сообщения о самочувствии вождя.

Но как-то не верилось, что он может умереть. Ведь знаменитейших профессоров, академиков от медицины, светил мировой науки собрали к нему на консилиум... Не помогли и они.

Сегодня начались, как обычно, занятия в школе. Прошло минут пятнадцать второго урока, и вдруг – звонок. Класс зашумел, ребята завозились на партах. Я посмотрела на часы и подняла руку, призывая всех к порядку. «Это ошибка, – сказала я. – Видно, тётя Клава (уборщица наша, ответственная за школьные звонки) что-то напутала». Ребята засмеялись. Но в это время отворилась дверь, вошла завуч с заплаканным лицом и тихим голосом сказала: «Товарищ Сталин умер».

Видел бы ты, Саша, лица ребят. И растерянность читалась на них, и такое неподдельное горе. Все плакали, весь класс, вся школа, конечно. Да что там школа. Весь советский народ оплакивает горькими слезами кончину любимого вождя. Без малого тридцать лет стоял Сталин над нами. И вот его не стало. Над каждым учреждением, над каждым домом, каждой избушкой – траурный флаг. Какая огромная и тяжёлая утрата. Ты согласен со мной, сынок?

6 марта 1953 года».

* * *

«Сашенька, не пойму, что за наваждение приключилось сегодня со мной. Возвращалась с работы домой и вдруг увидела... тебя. Впереди, в двадцати шагах от меня, шёл молодой мужчина. Что-то знакомое уловила я в его облике. Пригляделась внимательнее и едва не лишилась чувств. Твоя фигура, твоя походка, такие же, как у тебя, светло-русые волосы. Затылок, шея, разворот плеч – всё показалось мне в этом прохожем твоим.

Я попыталась ускорить шаги, чтобы догнать тебя, ну, не тебя, а этого молодого человека. Но ноги мои налились тяжестью, как это бывает иногда в снах, когда хочешь бежать, но не можешь сдвинуться с места. Ты – или твой двойник – удалялся. Из боязни, что потеряю его из вида, слабым голосом – почему-то и голос у меня пропал – я позвала: «Саша!» Он не услышал и не оглянулся. А скорее всего, имя Саша ему ничего не говорило, и человек продолжал удаляться. Оцепенение прошло, я сорвалась с места и побежала за ним. Кто-то, должно быть знакомый, поздоровался со мной. Я, не глядя, ответила и продолжила свой бег

трусой. Приблизилась к тому человеку, но догнать его не смогла, потому что силы стали сдавать, а главное, перехватило дыхание и кольнуло в сердце. Я остановилась и уже громче позвала раз и другой: «Саша! Са-а-ша!» На этот раз мужчина остановился, огляделся по сторонам и спросил сочувственным, но чужим голосом: «Вы меня? Извините, вы обознались, я не Саша». Я не видела лица незнакомца, но при первых же звуках его голоса поняла: это не ты. Доплелась до дома совершенно разбитая, отдышалась немного и вот теперь пишу тебе. Что же будет со мною, когда и впрямь увижу тебя, сынок? Но ведь от счастья не умирают. Только бы дожидаться тебя...

16 июня 1954 г.».

7.

«Сашенька, твой день рождения пришёлся на воскресенье. С утра принялась я наводить порядок в доме. Надо было бы это сделать вчера, но что-то так устала за день на работе. Пришла и свалилась на кровать. Сегодня уже лучше. Протёрла везде пыль, прибрала, а потом принялась печь пирог, твой любимый, с капустой. Удачным получился, поднялся, хорошо пропёкся. Одно горько: есть его придётся мне одной. Но, как всегда в такие дни, со мной ты и папа, ваши фотографии. И, конечно же, букетик цветов в вазочке. Сама не смогла выбраться в лес – так ребятки, ученики мои, принесли мне вчера подснежники.

Знаешь, Сашенька, только села я за стол, пирог именной начал резать, как по радио объявили: «Предлагаем вашему вниманию новую песню «День рождения». Так эта песня кстати пришлась и так на душу легла. Слова простые, и мелодия незатейливая, но такая трогательная. Да ещё прозвучала она в исполнении моего любимого певца – Владимира Нечаева. Заслушалась я и о тебе подумала: может стать, что и ты в эти минуты слушаешь Нечаева вместе со мной.

Тридцать четыре тебе исполнилось. Уже зрелый возраст – силы, открытий, свершений. Ты ещё так молод, сынок. А я стала что-то сдавать в последнее время. Но ты не подумай, что я тебе жалуясь. Это недомогание временное. Отдохну, и всё пройдёт. Подходит к концу и твой праздник. Я была сегодня мыслями весь день с тобой, с той минуты, как утром открыла глаза, и до позднего вечера, до ночи – с тобой, пока сон не сме-

жит мои веки. Суждено ли мне увидеть тебя, Сашенька, зрелым, таким, каков ты сейчас, не во сне, а наяву? Надеюсь на это и вопреки всему – живу.

15 мая 1956 г.»

* * *

«Сегодня воскресенье, выходной. С утра навела порядок в твоей, Саша, комнате. Просмотрела твои вещи. Теперь вот решила поговорить с тобой. Ни о чём особенном. Просто сказать, что и сегодня, и всегда ты со мной... Пишу и прислушиваюсь к звукам радио. Передают концерт для целинников по заявкам их родственников и друзей.

Целина... Как напоминает она мне годы моей молодости, когда вот так же по призыву партии, по зову сердца ехали молодые в неизвестное – возводить ДнепрогЭС, строить Магнитку и Комсомольск-на-Амуре. Те же палатки, такие же трудности. Мне кажется, сейчас всех задела, как тогда, за живое целина. Каждый хоть на миг, но подумал: и я бы мог... Вот и я, несмотря на свои пятьдесят четыре года, по-доброму завидую молодым первоцелинникам. Кабы не года, и я могла бы. Пусть палатки, трудности. Ведь они как очищающий огонь, эти испытания.

Песня хорошая звучит сейчас из репродуктора: «Мама, не скучай, слёз не проливай...» Да, для мам целина как передний боевой край. Провожают сыновей, дочерей с песнями, маршами. Громко, по-праздничному весело провожают, а потом наступают долгие тягостные будни. Может быть, для матерей, оставшихся дома, они тяжелее, чем для тех, кого они проводили на трудовой подвиг.

Я уверена, Сашенька, если бы ты был сейчас здесь, то так же, как эти юноши и девушки, не усидел бы дома, укатил бы покорять целину. Я ждала бы тебя опять, волновалась бы и переживала за тебя. И гордилась бы тобой, как горжусь всегда.

Мама. 2 июня 1957 г.»

* * *

Целина. Я хорошо помню то время. Тогда мне ещё двенадцати не было, а я грезилась целиной. Со своей школьной подругой Ниной обсуждала детали побега на целину. Мы взвесили всё до мелочей, составили список, что взять в дорогу, вплоть до носовых платков. Они, как я понимаю теперь, пригодились бы нам в первую очередь. Не забыли включить в список метрики о

рождении. Как же без документов? Изучили на вокзале расписание поездов, идущих на Казахстан.

А в намеченный день, когда Нинка, протоптавшись одна в течение двух часов на перроне, разгневанная прибежала ко мне, она застала меня дома над раскрытым фанерным чемоданчиком, с которым раньше я ездила в пионерлагерь.

– Ты что, передумала? – крикнула подруга.

– Не могу, – ответила я упавшим голосом. – Маму жалко. Тебе хорошо, вас у мамы шестеро, а у моей я одна.

– Предательница! – крикнула Нинка и убежала.

Наша дружба расстроилась на несколько дней, потом утряслось. Но я до сих пор иногда жалею, что наш поход на целину не состоялся. Конечно, нас сняли бы с поезда, вернули бы домой, к мамам. Но если не думать об этом? Можно хотя бы в мечтах представить себя героем целины? Права Надежда Ивановна, люди всех возрастов говорили тогда или думали: «А ведь и я могу...»

8.

«Сашенька, как я хотела бы, чтобы ты был сейчас рядом и разделил со мной радость, которая обрушилась на меня неожиданно-негаданно. Сегодня в школе проходила торжественная линейка, посвящённая Дню учителя. Как и всегда в такой день, всё вокруг было праздничным: лица ребят и учителей светились улыбками, всюду букеты цветов. Каждый раз удивляюсь, каким образом удаётся людям уберечь цветы от первых заморозков.

Открыла праздник инспектор гороно Ионова. Сначала поздравила всех присутствующих, а потом вдруг заговорила обо мне, о том, что в этом году исполнилось тридцать пять лет моей трудовой деятельности на ниве просвещения. Отметила Ирина Юрьевна, что трудилась я все эти годы с полной отдачей сил и знаний. Ну, ты ведь знаешь, сынок, что говорят в подобных случаях. И вдруг сказала: «Заслуги Надежды Ивановны Климовой высоко оценены правительством. Сегодня мы с гордостью поздравляем нашего дорогого и уважаемого юбиляра – Надежду Ивановну – с присвоением ей высокого звания «Заслуженный учитель». Все вокруг зааплодировали, начали поздравлять меня. А я никак не могла до конца поверить в это сообщение. Мне объяснили, что ещё вчера, в предпраздничной программе, посвящён-

ной Дню учителя, по радио перечисляли педагогов нашей области, чей труд отмечен правительством. Оказалось, что и я в тот перечень вошла. А я не слышала передачи. Отлучилась из дома ненадолго, в магазин за хлебом сходила, и вот... Жаль, конечно, что так получилось.

Видишь, Санечка, не забыли твою маму, отметили. Приятно сознавать, что жизнь прожита не зря, что-то полезное сделано для людей.

Мама. 3 октября 1959 г.»

* * *

«Сашенька, о том, как летит время, я, например, сужу по детям. Что значат пять лет в жизни взрослого человека? Почти ничего. Пройдут в трудах, в привычных заботах, добавят немного морщин, возможно, убавят немного здоровья. На внешности человека не очень сильно скажутся. А пять лет в жизни ребёнка? Маленьких и робких первоклашек они превращают в озорных сорванцов. Ведь пятые, шестые классы всегда самые трудные для нас, учителей. Никогда не знаешь, что преподнесут тебе эти «цветы жизни» сегодня или завтра. А ещё через пять лет уже с пятиклассниками происходит метаморфоза. Точно так же, как гадкий утёнок превращается в прекрасного лебедя, так наши занозы и задиры превращаются в симпатичных юношей и девушек, становятся гордостью школы – её выпускниками.

Вот ведь совсем недавно, кажется, забежал ко мне твой дружок, Витя Стрепетов, и с сияющей физиономией объявил: «Надежда Ивановна, поздравьте меня! У нас дочь родилась, три двести весом!» А вчера я проводила в пятом «А» первый урок немецкого, и представляешь, среди учеников Катюша Стрепетова – дочка Виктора и Наташи. Вся в маму, такая же круглолицая милашка с рыженькими завитушками. Но и от Вити что-то в ней есть. Глаза папины. Вот так, Санечка, и идёт жизнь своим чередом. Подрастает молодая смена. Впереди у неё много дел и забот. Ей предстоит исправить наши ошибки и постараться сделать жизнь лучше. Самое главное – никогда не допустить новой войны, никогда не изведать того, что выпало на долю твоего, сынок, поколения. И пусть матери сегодняшних ребят не испытают того, что пришлось пережить мне.

Родители должны уходить в мир иной гораздо раньше своих детей. В этом я вижу гуманный закон жизни. Жить сколько суждено, а в конце

пути – видеть рядом дорогих сердцу людей, глаза сына, дочери, чувствовать прощальное прикосновение их рук... Лично я о большем бы и не мечтала.

3 сентября 1960 г.»

* * *

Вот о каком конце мечтала Надежда Ивановна. А умерла одна, на больничной койке. Даже меня не было в эту минуту рядом с ней. И за это я всегда чувствую на себе тяжесть вины перед ней. В тот мартовский день семьдесят пятого я вызвала к Надежде Ивановне врача. Но когда я подходила к дому, возвращаясь из школы, от нашего подъезда уже отъехала скорая. Соседи объяснили мне, что врач нашёл состояние больной очень тяжёлым и сам вызвал машину скорой помощи.

Я тут же побежала в больницу, но в палату интенсивной терапии меня не впустили, предложили прийти завтра. А назавтра моей дорогой Надежды Ивановны уже не было в живых. Она ушла из жизни ночью так тихо, что никто из соседок по палате этого не заметил. И даже меня не было рядом с ней...

* * *

99

«Санечка, с месяц назад ходил тут у нас по домам один человек, спрашивал, не надо ли кому увеличить маленькое фото до портрета. Я хотела было отказаться от его услуг, а потом решила всё-таки увеличить одну твою, сынок, фотографию. Мою любимую, на которую ты снялся незадолго до своего отъезда. Отдала я этому мужчине фото, а потом долго терзалась сомнениями. Наш-то адрес он записал, а я-то не спросила, кто он и откуда. Вот и переживала весь этот месяц, боялась, что затеряется снимок, а другого такого у меня нет. Но сегодня, слава богу, пришёл тот фотограф или художник, не знаю, как его называть, и принёс фотокарточку и портрет. Очень я довольна тем, что портрет представляет собой точную копию фото. А то случается, такое намалюют... Поместила портрет в твоей комнате рядом с книжной полкой. Теперь могу в любое время войти и, даже не надевая очков, посмотреть на тебя, мысленно поговорить. Сегодня, Саша, то и дело захожу в твою комнату, разглядываю родное твоё лицо, и на сердце ощущение праздника.

8 декабря 1960 г.»

Дочитала я это письмо, и меня неудержимо потянуло взглянуть на Сашин портрет. Помню я его, конечно, до мелочей: и поворот головы, и чуть приметную улыбку, и прядь волос, упавшую на лоб. Его рубашку, в которой сфотографирован, помню. И то, что верхняя пуговица расстёгнута, – тоже. Нередко, оставшись одна в комнате, я останавливалась перед портретом, смотрела на Александра то просто от нечего делать, то с чувством острой жалости, то с немым вопросом: «Где же ты, где?»

Однажды Надежда Ивановна бесшумно вошла в комнату и застала меня стоящей у портрета. Отчего-то я смешалась тогда, как будто меня захватили врасплох за каким-то постыдным занятием, например за подглядыванием в замочную скважину. Помнится, у меня от волнения даже слёзы выступили на глазах. Надежда Ивановна ничего не сказала, только пригладила рукой мои волосы и поспешно ушла к себе.

Когда я впервые увидела Сашин портрет, ему на нём было столько же лет, сколько тогда, в шестьдесят пятом году, было мне. С годами я становилась старше, а Саша на портрете оставался прежним, девятнадцатилетним. Я разглядывала его и пыталась представить, какой отпечаток могло наложить время на это юное прекрасное лицо. Но как бы ни изменился сын Надежды Ивановны, я была уверена, что, появившись он, я без труда узнаю его, настолько памятна мне была по портрету каждая чёрточка его лица.

Я вложила письмо в конверт с номером 27, слезла с дивана и пошла к портрету. Опять передо мной он – молодой, улыбающийся. Я не думаю о возрасте Александра, о том, что ему давно уже не девятнадцать, как на портрете, и даже не тридцать девять, как сейчас мне. Он гораздо старше меня, но всегда казался и сейчас кажется ровней... Где же ты, где?

9.

«Саша, вот ведь, сынок, до какого события мы дожили: человек в космосе! Прямо посреди урока ворвалась в наш класс пионервожатая Лёля, сияющая, возбуждённая, и крикнула: «Скорее выходите все в коридор! По радио прозвучит сейчас важное сообщение!» У меня тревожно ёкнуло сердце. Сообщение? О чём? Но счастливая Лёлина физиономия развеяла мои опасения: это не страшное, это что-то радостное.

В коридоре уже поставили стол, водрузили на него старый, внушительных размеров приёмник, и математик Владимир Дмитриевич принялся настраивать его на нужную волну. Тем временем широкий и длинный коридор, заменяющий в нашей школе актёрский зал, заполнили ребята и учителя. Все прислушивались к звукам приёмника, но из него доносился лишь треск, щёлканье да порой обрывки фраз.

Я уже знала причину сумятицы. Человек в космосе, сказал кто-то из учителей. Я не могла в это поверить. Неужели такое возможно? Конечно, я допускала, что такое когда-нибудь произойдёт, но если и свершится, то очень нескоро.

Вдруг всякие лишние шумы в приёмнике прекратились, и мы стали слушать Левитана. Я подумала: у Юрия Гагарина есть мать. Что же она должна чувствовать сейчас? Я знаю – что. Каждая ниточка её нервов, каждая клеточка сердца кричит немым криком одно: «Вернись, сыночек, живым и невредимым!» Только тогда можно будет дать волю радости и ликования.

12 апреля 1961 г.»

* * *

«Сашенька! Я сегодня, в твой день рождения, сделала тебе небольшой подарок. Заглянула с полочки в магазин, а там очередь в отделе мужской одежды. Подошла ближе, смотрю: женщины мужские рубашки нарасхват берут. Яркие, клетчатые, их ковбойками называют. Кто мужу, кто брату берёт, кто сыну. И так мне горько, Сашенька, сделалось, так жалко себя стало. Как завидовала я этой очереди. Ведь женщины, стоящие в ней, не думали о том, даже не подозревали, какие они счастливые. Это такое большое счастье – иметь возможность сделать подарок близкому человеку.

Я тоже, сынок, встала в очередь. Подумала: почему бы и мне не сделать тебе подарок, не купить вот такую ковбойку? И я купила тебе рубашку такого размера, какой носил папа, когда ему было столько, сколько сейчас тебе. Тебя не удивит такой подарок? Ведь раньше мы, Климовы, никогда не дарили друг другу на праздники вещей, считая это проявлением мещанства. У нас в семье ценились самоделки: рисунки, аппликации, картинки, которые вы с папой тайком от меня выжигали паяльником на дощечках, отшлифованных вашими руками. Но сегодня, сынок, я купила тебе рубашку. Подумала: вдруг явишься ты ко мне без всякого предупреждения, примешь

ванну с дороги, вот я и преподнесу тебе свежее бельё и рубашку новую под названием «ковбойка».

Мама. 15 мая 1962 г.».

* * *

«Санечка, хочу поделиться с тобой своей радостью: я купила себе телевизор под названием «Рекорд». Ты меня поймёшь и не осудишь за то, что приобретение вещи я называю радостным событием. Вещь вещи рознь. Телевизор – это же целый мир. До сей поры в нашем доме постоянно говорило радио. Сейчас всё свободное время я провожу у экрана телевизора. Смотрю всё подряд: последние известия, концерты, передачи о животных, кинофильмы – не только художественные, но и документальные, а также с большим удовольствием – мультфильмы и передачи о спортивных состязаниях. Это, наверное, ненормально. Со временем выберу интересное для себя, нужное, стану следить за программой. А пока не могу по-другому, не получается оторваться от экрана, пока на нём что-то движется. Когда наступает перерыв в работе телестудии, брожу по квартире как потерянная, то и дело поглядываю на часы, считаю минуты до включения моего дорогого друга. Невероятно, до чего наука и техника дошли, на что способен человеческий разум, чтобы создать такое чудо, как телевидение. Как такое возможно: передача изображения на экран через всю страну, «от Москвы до самых до окраин», безо всякого луча, как в кинотеатре, при помощи невидимых волн? Для меня это необъяснимо, чудо какое-то. А что же думают по этому поводу люди полуграмотные или вовсе неграмотные? Скорее всего, не думают они на эту тему вовсе. За них всё учёные продумали и сделали. Впрочем, и первая стиральная машина совсем недавно тоже казалась кому-то чудом. К хорошему привыкаешь быстро.

Итак, с приобретением телевизора «весь мир у моих ног».

Мама. 2 августа 1964 г.».

* * *

«Сашенька, решила я покончить со своим одиночеством. Совестно, честное слово, занимать такие хоромы, как наша квартира, одной. Конечно, когда ты вернёшься, всё будет по-старому. А пока я в твою комнату поселила одну девчущку. В этом году пришло в нашу школу молодое пополнение в лице молчаливой сероглазой красавицы Валентины Петровны. Её бы Ва-

лечкой называть, по возрасту мне она во внучки годится, но так уж заведено, чтобы в школе учителя друг друга по отчеству навеличивали. Поэтому мы нашу Валечку, которой нет ещё двадцати лет, Валентиной Петровной зовём. Я к новенькой сразу состраданием прониклась, как только узнала, что она одна-одинёшенька на свете. Отца нет, а мать умерла совсем недавно. И в школе что-то у Валентины не заладилось. Мне думается, что она умница, только уверенности в себе ей недостаёт.

Квартирами школа не располагает, общежитием – тоже. Вот и пришлось нашей В. П. самой искать себе жильё. У меня ещё тогда, в сентябре, шевельнулась мыслишка – позвать девочку к себе. Что меня удержало? Опасение, что мой поступок могут истолковать неправильно. Скажет кто-нибудь, что, пока моложе была, жила одна, никого к себе не пускала, а как только дело к старости повернуло, решила обзавестись сиделкой. Возможно, что никто из моих знакомых о таком и не подумает, ну, а если всё-таки...

Слышала, Валентина устроилась у какой-то сердобольной женщины, что та ни копейки за квартиру не берёт. Есть же добрые люди. А недавно завели меня дела в те края, где живёт наша бедняжка. Вижу: идёт она мне навстречу с большими полными вёдрами, воду тащит на коромысле. Да так неумело несёт коромысло, что вода при каждом шаге выплёскивается на снег. Остановились мы с ней, словом перемолвились. Узнала я, что каждым вечером Валентина по пять-шесть раз к колодцу за водой топает. Я и позвала её к себе. Боялась, что не согласится. Согласилась и вчера перебралась ко мне. Я договорилась с ней, что в твоей комнате останется как было при тебе, как есть сейчас. Временно поживёт Валя в твоей комнате. Вещей у девушки – что на себе да чемоданчик, наполовину книгами, конспектами заполненный. Поспит она пока на твоей кровати. Я духом воспрянула с её вселением к нам.

Мама. 22 декабря 1965 г.».

* * *

Чем-то меня это письмо Надежды Ивановны смутило. Ах да, вот этими словами: «...в нашу школу пришло пополнение в лице красавицы Валентины...» Это обо мне. И ведь чувствуется, что написала Надежда Ивановна без намёка на иронию.

Красива ли я? В детстве не задумывалась об этом. Была, казалось, как все. В восьмом влюбилась в самого красивого мальчишку в классе, Валеру Овчаренко. Никому об этом не говорила, сама от себя таилась. Но моя подруга Нинка, та, с которой мы бежать на целину собирались, сказала мне с сочувствием в голосе: «Я вижу, какими глазами ты на Овчаренко смотришь. Бесплезно, за ним не такие девчонки бегают. А он даже на Эльку внимания не обращает». После Нинкиных слов я в течение целого урока разглядывала Эльку Копейкину. И что в ней такого? Лицо как лицо. Глаза обыкновенные, серые. И у меня такие. Нос маленький, вздёрнутый. Помоему, слишком маленький при её полных щеках. Только губы пухлые и яркие, не как мои. Волосы красивые, ничего не скажешь, светло-золотистые, в кудряшки завиваются и на висках, и на концах косичек...

А ещё, я только тогда это отметила, вокруг отличницы Эльвиры постоянно крутятся наши пацаны. Рядом с ней они становятся более оживлёнными и весёлыми.

Придя в тот день домой, я долго разглядывала себя в зеркале. И тут представление о себе у меня изменилось. На мой взгляд, я была ничего, но ни в какое сравнение с Элькой, действительно, не шла. Нос у меня великоват. Это в папу моего, Петра. Лицо удлинённое, щёки бледные, губы... Куда им до Элькиных.

Когда на школьном вечере Валерка пригласил меня на танго, я подумала: «Это он из жалости». И не пошла с ним танцевать. Меня встретили Нинкины слова: «Я вижу, какими глазами ты смотришь на Валерку». Я стала стараться вообще не смотреть в его сторону. А если случилось, что он спрашивал меня о чём-то, отвечала ему с иронической усмешкой и находила какие-то ядовитые слова. Так что Валера попросту перестал замечать меня. А остальные мальчишки и вовсе никогда не баловали своим вниманием. Позже, во время учёбы в педучилище, влюбиться в кого-то у меня вообще не было никакой возможности. Сокурсников из ребят можно было пересчитать по пальцам одной руки. Правда, на вечера к нам нередко приходили курсанты военного училища связи, расположенного по соседству с нашим. Кавалеров тогда на вечере было немало, но меня на танец приглашали очень редко. Я не удивлялась этому, потому что знала: спросом у парней пользуются девчонки типа Эльки Копейкиной. Но себя я никогда не считала

дурнушкой. Просто моя привлекательность как бы скрыта от взоров людей, считала я. Но однажды появится он, разбудит меня одним своим взглядом и все увидят, что я красивая... Не сказочный принц, а Надежда Ивановна впервые назвала меня красавицей, если не считать мамы. Но мама есть мама, для неё и гадкий утёнок – лебедь.

Помнится, когда Надежда Ивановна болела, и было это незадолго до её смерти, она взяла мою руку в свою и сказала: «Как тоскливо тебе, девочка, будет жить здесь одной, когда меня не станет. Хоть бы замуж ты вышла, Валечка... Слепые мужчины – проходят мимо чуда и не замечают его». И в ответ на мой немой протест возразила: «Да, да, Валюша, не спорь со мной. Мужчины порой часто не замечают истинной красоты. У какой-нибудь ничего не значащей пустишки нет отбоя от женихов, а скромная умница и красавица, вроде тебя, живёт незаметно в тени этих «красоток». Не усмехайся иронично, Валентина, ты прекрасно понимаешь, что я права. Жаль, что тебя не видел мой сын, он поддержал бы меня... Саша не влюблялся в юности ни в одну девчонку, потому что не встретил своей единственной. Я часто думаю: тебя бы он заметил».

102

10.

«Что-то я устала сегодня, сынок. Проводила после уроков классный час со своими сорванцами из восьмого «Б». Тему для беседы директриса подсказала. Собрала всех учителей, кто преподаёт в восьмых классах, и проинструктировала нас, на что следует нацеливать ребят, о чём вести с ними речь. «Главное, – сказала веско Левашкина, – настроить учащихся таким образом, чтобы они не заносились в своих помыслах выше своих возможностей. Не за горами конец учебного года. Пусть уже сегодня каждый восьмиклассник – с вашей помощью – оценит свои способности, свои возможности. Не только отстающим, но и середнячкам, я полагаю, нечего делать в девятом классе. Для чего человеку с ограниченными способностями среднее образование? В вуз ему дорога заказана, а для труда с ломом и лопатой больших знаний не потребуется».

Эти рассуждения насчёт лома и лопаты в связи с учениками школы мне приходится выслушивать от Левашкиной не впервые. И всегда они коробят меня до глубины души. Вот и на этот

раз мне захотелось оборвать эту зарвавшуюся особу, напомнить ей о том, что в последние годы правительство страны нацеливает работников просвещения на осуществление перехода к всеобщему среднему образованию. Но меня опередил наш математик Владимир Дмитриевич. Довольно ядовито, как это он умеет, Ефименко заметил, что пресловутые лопата и лом давно изжили себя, остались в прошлом. Что современный рабочий подчас должен обладать знаниями на уровне инженерных, знаниями, которых не хватает порой и иному учителю.

Замечание это прозвучало, может быть, для кого-то из присутствующих несколько оскорбительно. Но лично я слова Ефименко на свой счёт не приняла и выслушала их с большим удовлетворением. Тем не менее директриса потребовала поговорить на классных собраниях о том, куда учащиеся собираются направить свои стопы после восьмого класса. Об этом и вела я сегодня с ребятами разговор. Большинство из них ещё не решили для себя, кем быть. Да и что требовать от них, пятнадцатилетних? Дети, как выяснилось, совсем не заносятся в своих помыслах. Мне, наоборот, не понравилось, что из двадцати семи учеников только трое высказали желание поступать в институт. Многие отделались молчанием. Или не все они были искренни? От грустных мыслей устала я сегодня.

Мама. 18 марта 1966 г.».

* * *

«Сынок, сегодня я приняла очень важное для себя решение: пора расстаться со школой, пора мне на покой. Сколько можно, в конце-то концов, таскаться на работу с такой, как у меня, старой физиономией? Не представляю, правда, себя без работы. Но нормальные люди ведь живут как-то и на пенсии. Буду находить себе какие-то полезные занятия, коротать время. Какие дела? Пока понятия о них не имею. Беда в том, что старуха из меня вышла никудышная. Другие бабки, посмотрю, прядут пряжу, без конца что-то вяжут. А я за всю жизнь ни разу спиц в руки не брала, а уж пряжу прясть – задача и вовсе для меня неразрешимая. Но книги читать буду, телевизор смотреть, с тобой через письма свои говорить... И Валентина у меня есть. Как только пришло мне, на моё счастье, решение – позвать девочку к себе жить? И счастье в том ещё, что она не отказала мне, согласилась... Ты, Саша, вправе задать вопрос, с чего это я так сразу,

вдруг решила оставить работу. Конечно же, не вдруг и не сразу. Непokoйные мысли о том, что рано или поздно придётся это сделать, появились у меня давно. Ещё с той поры, как мне стукнуло пятьдесят пять и появилась возможность уйти на «заслуженный отдых». В последнее время часто стали заменять прозаическое слово «пенсия» вот таким романтическим словосочетанием.

На первых порах директор школы сама уговаривала меня поработать, потому не было мне замены и не предвиделось. Позже прислали в нашу школу молоденькую «англичанку». Классы поделили по желанию ребят и родителей на «немецкие» и «английские». Нагрузки у меня поубавилось, часы сократились. Я осталась в школе и осталась. Может быть, какое-то время ещё поработала бы. Но сегодня решила: всё, хватит!

Проходил у нас сегодня педсовет. Решали на нём, как всегда, разную текучку. А перед тем в целях устрашения заслушивали, а вернее сказать, распекали одного мальчишку. Сейчас он в седьмом классе учится. Уж не знаю, чем этот Толик завоевал себе такую громкую славу, но учителя наши твердят одно: «Скорее бы этот Репнин восьмой класс окончил, чтобы отмучиться от него». Откуда такая нетерпимость по отношению к парнишке? Лично я за Толей Репниным ничего особенного, из ряда вон выходящего не замечала. По крайней мере, на моих уроках он ведёт себя нормально. Ну, непоседливый, конечно, созорничает иной раз, но никому не во зло – так, от чрезмерной подвижности. На улице встретится – приветливо поздоровается да ещё и сумку до дома донести напросится. Чего ещё желать от парня?

Нет, наши педагоги и крест на нём поставили, и недалёкое будущее предрекли: после школы ГПТУ, потом вместо службы в армии – отсидка в колонии или в тюрьме. Так вот, на педсовете сегодня навалились учителя на бедного Репнина всем скопом, дыхнуть не дают. Лидия Николаевна все границы, на мой взгляд, перешагнула. «Репнин, – сказала она, – подонок. Гнать его надо из школы, чтобы и свидетельства за восемь классов не получил, чтобы всю жизнь киркой и лопатой орудовал». И напрямую к Толе обратилась: «Отвечай, ты за что сегодня Петю Акимова ударил? Так обидеть Петю, а? Мальчик-то он, Репнин, не в пример тебе – тихий и скромный. За что ты его до крови избил?!» – «За дело», – пробурчал себе под нос Толя, и ни слова больше.

Тут меня дёрнуло вмешаться, помочь решила мальчишке. «Толя, – говорю, – неужели ты способен просто так обидеть более слабого? Я о тебе была лучшего мнения. Ты вон какой спортивный, крепкий мальчик, а Акимов – он же словно ватой набитый, его тронь – он и свалится». Толя оживился, глянул на меня с улыбкой, сказал: «Это точно, Петя как мешок с трухой. Я его не сильно оттолкнул, а он упал и носом – в стенку... Но если он ещё хоть раз про моего отца слово скажет, я его вообще...» – «Что – вообще? – закричала опять Левашкина. – Ты уж давай договаривай, Репнин! Вообще убьёшь, да? Ты это хотел сказать? Это? Правду говорят, что яблоки недалеко от яблони падают. Отец твой сидит, и по тебе, Репнин, тюрьма плачет».

Тут мальчишка переменялся в лице, мне даже за него страшно стало, развернулся, бросился к двери. Ударом ноги распахнул её, крикнул всем нам: «Ненавижу!» – и убежал. Не знаю, Сашенька, кто был прав – Левашкина, а вместе с нею учителя, кажется, все они были против Репнина, потому что единодушно стали возмущаться его поведением, – или я. Я была за Толю Репнина. Отмолчаться не смогла, подумала, что будет предательством по отношению к моему ученику. Сдерживая волнение, – возраст, сынок! – я сказала Левашкиной: «А знаете, Лидия Николаевна, отца Толиного вы зря задели, запрещённым приёмом ударили парня. Ведь, видимо, за подобное и разбил Репнин Акимову нос. По-моему, правильно сделал. А вы... Вы не педагог, простите».

Левашкина сдержалась. Шея у неё, правда, пошла пятнами, давление, видимо, скачет. Помолчала немного, потом сказала: «Мы ценим, Надежда Ивановна, ваш опыт, ваши годы. Может быть, и мы в вашем возрасте не лучше будем... Как вы думаете, не пора ли вам на отдых?» Пора, сынок, давно пора. Как скверно у меня на сердце, как тяжело от мысли, что судьба Толи и других ребят, «не тихих», зависит в какой-то мере от таких вот левашкиных.

Мама. 26 апреля 1967 г..

* * *

«Ну вот, Сашенька, угомонилась я наконец. Месяца три после ухода на «отдых» не находила себе места, а потом, как любят у нас сейчас говорить, адаптировалась. Первое время я всё искала предлог, чтобы заглянуть в школу. Впрочем, часто я делала это без всякого повода. Если шли

уроки, бродила тихо по коридору, останавливалась то у одной, то у другой классной двери, прислушивалась к голосу учителя, ответам ребят. Сердце начинало учащённо биться в груди, наваливалась не то слабость, не то усталость, и хотелось присесть.

Тогда я плелась в пустую учительскую и сидела там до звонка, после которого сразу обрывалась тишина, раздавалось хлопанье дверей и слышался топот быстрых ног. Школу заполнял такой привычный для меня гомон детских голосов. Но теперь воспринималось мной всё по-новому, всё причиняло боль. Потом отворялись двери учительской и один за другим входили учителя. «О, кто к нам пришёл!» – бодро при виде меня восклицали одни. «Хватит бездельничать, пора на работу выходить!» – весело шутили другие. «Как здоровье, как самочувствие?» – осведомлялись третьи.

Пусть простят меня мои бывшие коллеги, но меня коробило от их неискренности. Я видела, что им не до меня, да это и понятно. Что такое перемена? Короткие несколько минут, за которые надо так много успеть: перекинуться друг с другом словом, приготовиться к следующему уроку, заглянуть в план, а то и в конспект, посмотреть в зеркало, в конце концов, чтобы поправить причёску, привести себя в порядок... Бывало, что в сутолоке перемены я тихо покидала учительскую и уходила никем не замеченная.

Не лучше обстояло дело и с учениками. Они проносились мимо меня, торопливо здоровались. И всё. А чего я ждала от своих «походов» в школу, не знала толком и сама. Помню только, домой возвращалась совершенно разбитая. И долго потом саднило у меня на душе от непонятной обиды.

«Старая перечница, – ругала я себя, – зачем ты таскаешься в школу, чего ждёшь? Люди заняты делом, у них своя жизнь, свои заботы, им не до твоих болячек. Оставь их в покое». И наконец оставила.

Но что любопытно, сынок, если случается встретить кого-то из бывших коллег вне школы, на улице, я чувствую их искреннюю симпатию, расположение ко мне. Они могут, не считаясь со временем, проговорить со мной хоть полчаса, всё расспросить, на все вопросы ответить. Секрета в перемене их поведения нет. Мне ли не знать, что школа – это огнедышащий вулкан, а совсем не место для визитов.

107

Хорошо, что у меня есть Валентина. Благодаря ей я в курсе всего, чем живёт школа, что там происходит. Каждый раз, когда Валя приходит с работы, я прошу рассказать мне о моих ребятах, о том, как прошёл этот день. Хочу надеяться, что моя назойливость ей не в тягость. Ну, всё, сынок. Заболталась я не в меру.

Твоя мама. 15 октября 1967 г.»

* * *

«Сашенька, совсем твою маму в немощные старушки записали. Да вообще-то и пора уже: через полтора месяца шестьдесят пять исполнится. Пришли ко мне на днях из нашей школы пятиклассники – девочка и два мальчика – и объявили: мы тимуровцы, будем вам помогать. Помощи мне от них пока никакой не требуется, но и отказаться от неё я не вправе. Сама ведь сколько лет налаживала в школе тимуровскую работу. Приходилось ходить к одиноким старушкам, старичкам, уговаривать их, чтобы не прогнали наших пионеров, находили для них какое-нибудь дело, объясняла, что это не так для взрослых важно, как для ребят.

Так вот, одного из своих помощников я в магазин за молоком отправила, другому дала молоток и гвозди и заставила сколачивать старую расшатанную табуретку, которую совсем было собралась выбросить. А девчоночку попросила цветы на подоконниках полить, хотя в тот день их уже поливала. Поговорила с ребятами, чаем их напоила. А перед уходом они на дверь нашей квартиры, с наружной стороны, звёздочки стали приклеивать. У тимуровцев тубик с клеем при себе имелся и звёзды из плотного картона, окрашенные красной краской. Только я обратила внимание, что звёздочки эти двух типов: одни просто красные, другие – с чёрной каёмкой. Пионеры по ошибке мне едва две траурные не приладили. Я им и говорю: «А ну, объясните-ка мне, в чём разница между вашими звёздами?» Девочка вызвалась отвечать. «Красные, – сказала, – мы крепим на те дома или квартиры, откуда человек на фронт уходил, назад вернулся и сейчас ещё живой. А эти, с чёрной полоской, если погиб... А если не один погиб, а двое, то и звёздочки две». Тогда я им пояснила: «Ребятки, на мою дверь надо клеить разные звёздочки: одну с траурной каёмкой, другую – красную. Мой муж, Николай Яковлевич, действительно, погиб на фронте, а сын Саша, Александр Николаевич, жив». Извинились ребята, сделали, как я велела. Напутали. Да и какой с них ещё спрос?

Пусть приходят тимуровцы. Они нужное дело делают. Пусть знают о войне и помнят тех, кто пролил кровь и за их счастливое детство.

20 июля 1968 г.»

* * *

«Сашенька, помнишь, я писала тебе о том, что пустила к себе на квартиру Валентину? Я говорила, что временно она поживёт в твоей комнате. Тогда я думала, что так оно и будет, и слово «временно» не вызывало во мне никаких чувств. А вчера сердце едва не выскочило из груди, когда Валя пришла с работы и, немного смущаясь, сказала, что ей предлагают квартиру. В почти новом доме умерла одинокая старушка, и горисполком выделил её однокомнатную квартиру нашей школе. А Валентина подала заявление на жильё сразу, когда поступила на работу. В шестьдесят пятом году. Вот и подошла её очередь.

Я настолько привыкла к Вале, что даже представить себе не могу, как можно остаться одной, без неё. Но и отговаривать от получения квартиры, удерживать её я не вправе. Кто знает, может быть, я связываю её, в чём-то мешаю. Почему она до сих пор одна? Уж не лежит ли на мне доля вины за её одиночество? Живи Валентина одна, возможно, по-другому планировала бы она своё свободное время, не спешила бы из школы в магазин за продуктами – всё-таки двое не один, – не коротала бы все вечера с бабкой, со мной то есть. Могло стать, нашла бы собеседника поинтереснее.

Знаешь, Саня, ведь Валентина – красавица. Она по-хорошему несовременна, серьёзна не по летам. Влюблена в твоего великого тёзку – в Александра Сергеевича Пушкина. И ещё – или мне хочется, чтобы так это было, – в тебя. Валя всегда с живым интересом слушает, когда я рассказываю ей что-то о тебе. Она очень бережно относится ко всему, что тебе принадлежит. Даже постель заправляет одеялом так, как это делал ты. Я ей однажды показала, как именно. А ещё... Несколько раз уже, войдя в комнату к Валентине, я заставала её стоящей перед твоим портретом. При виде меня она смущалась и спешила отойти к столу, а однажды, продолжая всматриваться в твои черты, сказала: «Я смотрю на портрет и не могу насмотреться. Удачный снимок». – «Сын у меня удачный», – сказала я с улыбкой. «Конечно, – охотно согласилась со мной Валя. – С плохого оригинала не выйдет хорошей копии».

Я становлюсь по-стариковски болтливой, извини, сынок. Совсем потеряла главную нить рассказа. Итак, Валентине предложили квартиру. И я сказала ей, сдерживая своё расхолованное сердце: «Смотри, Валюша, сама. Когда-то надо обзаводиться своим углом. Никто на твоём месте не отказался бы от такой возможности. Ты знаешь, как я отношусь к тебе, но удерживать, отговаривать тебя не имею права. Решай сама и делай, как лучше для тебя... Думаю, что тебе следует согласиться».

Сегодня, когда Валентина ушла на работу, я места себе не находила. Представляла, как она уйдёт отсюда и я опять останусь одна в этих стенах. Валя пришла домой немного раньше обычного, в приподнятом настроении. «Когда перебираться думаешь?» – спросила я её. «Отказалась я от получения квартиры, – сказала Валя. – Не прогоните?» И принялась объяснять, что Марине Сергеевне, тоже учительнице младших классов, квартира нужнее. Она хоть всего второй год работает в школе, но уже замужем и ждёт ребёнка. Живут молодые с родителями мужа, и что-то Марина не ладит со свекровью. Я выслушала Валю и поспешила на кухню, чтобы она не заметила моих слёз. Как я благодарна этой девочке!

19 ноября 1969 г.». * * *

Да, вот так я и отказалась от квартиры. Директор, Левашкина Лидия Николаевна, сказала мне: «Извини, Валентина Петровна, но ты меня удивила! Впредь на квартиру можешь не рассчитывать. Не так часто нас ими исполком балует. И вообще, если тебе не нужна отдельная жилплощадь, забери из профкома заявление, чтобы оно людям глаза не мозолило».

Многие учителя тогда решили, что я поступила правильно. Сравнить мои жилищные условия и Марины Сергеевны... И только Инна Михайловна, учительница пения, в школе нас с ней считали подругами, набросилась на меня, когда мы остались наедине: «Ты что, ненормальная?! Отказаться от квартиры! Скажи кому-нибудь, на смех поднимут... Вообще-то я понимаю ход твоих мыслей: рассчитываешь остаться в квартире Климовой. Ну и правильно: двушка лучше однокомнатной. Только ждать придётся долго. Эта Надежда Ивановна – крепкая старуха, до ста лет протянуть может».

Я тогда отшатнулась от подруги, сказала: «Опомнись, Инна, что ты говоришь?» Инна пожала плечами и обронила с кривой усмешкой:

«Чего ты всполошилась? Я же без свидетелей говорю и совсем не в осуждение тебе, а просто по-человечески, по-дружески. Что тут особенно-го?»

После того «задушевного» разговора я стала сторониться Инны, и нас вскоре перестали считать подругами.

11.

«Сашенька, сегодня я почти весь день провела в школе. Пригласили меня туда по случаю торжества, имеющего прямое отношение к тебе. В связи со знаменательной датой – 25-летием Победы – в городе, как и по всей стране, широко чествуют бывших воинов Великой Отечественной войны. А на нашей школе установили, сынок, в твою честь мемориальную доску. Сегодня состоялось её торжественное открытие. Столько хороших слов говорили люди о тебе, Сашенька. Выступал первый секретарь горкома партии, потом воспоминаниями делились старые учителя. Лучше всех сказал о тебе твой друг Виктор Стрепетов. Ребята – старшеклассники и самые маленькие – читали стихи на военную тему.

Я отдала в школьный музей некоторые твои фотографии, школьный альбом с рисунками. Только с наградами – твоими орденами – расстаться не смогла, хоть и намекали мне про них. Пусть хранятся у меня. Это для других ты перестал существовать, а я всё ещё живу верой, что дождусь тебя. С людьми я уже давно не делюсь мыслями на этот счёт. Только с Валентиной позволяю себе иногда расслабиться, поговорить о тебе. Она разделяет со мной уверенность в том, что ты вернёшься. Я благодарна ей за эту поддержку.

Мама. 9 мая 1970 г.».

* * *

«Сашенька, сегодня я выбралась в «город». Ходила в универмаг, чтобы купить Вале какой-нибудь подарок. У неё через два дня день рождения. И, знаешь, чуть не испортила себе этой вылазкой настроение. Проходя мимо отдела мужской одежды, услышала, как женщина-покупательница попросила продавца помочь выбрать для мужа сорочку помоднее. Продавец, дебелая крашеная девица, выложила на прилавок что-то полосатое и говорит: «Возьмите вот эту. Импортная, самая сейчас модная, «Бухенвальд» называется». Представляешь, Саша? Бухенвальд! Точно молотом меня по голове ударили. Подошла я к прилавку, руку на сорочку по-

ложила, спрашиваю девицу: «Это кто же, простите, эту рубашку так назвал?» Продавщица у меня из-под руки сорочку выдернула, той покупательнице подвинула и сказала пренебрежительным тоном: «Ну как кто? Все так называют. Парни, молодёжь. Видите, полосатая она, как тюремный халат. А Бухенвальд – это же лагерь где-то такой был, та же тюрьма».

Мне стало больно и обидно, сыночек, за сегодняшнюю молодёжь. Неужели забудут, уже забыли – сытые, вот такие раскормленно-дебелые – ту войну, миллионы погибших и набат бухенвальдский? И нет ничего для них святого, если модную полосатую рубашку так легко, играючи окрестили они этим жутким словом?

А потом успокоилась я, сынок. Решила: не стоит из-за одной, извини за грубость, крашеной дурь возводить поклёп на всю молодёжь. Верно?

Твоя мама. 4 января 1973 г.».

* * *

«Вот, сыночек, до какой даты мы дожили: 29-ю годовщину Великой Победы празднуем. Если бы мне сказал кто-то в годы войны, что я столько лет ещё проживу, не поверила бы.

Сегодня сходила к памятнику Солдату. Там, на площади, собрались, казалось, все жители города. Празднование Победы... Как это всегда 107
возвышенно и до глубины сердца искренне и чисто. С каким особым чувством – уважения и благодарности – смотрю я на ветеранов. Хорошо, что есть для них такой праздник. Для всех советских людей великий праздник, конечно. Но для участников войны этот день – самый главный. День, к которому они готовятся загодя, вынимают из заветных коробочек ордена и медали, драят их суконкой, надевают самое лучшее.

Хорошо, что могут встретиться однополчане, поговорить, вспомнить прошлое, отчитаться друг перед другом за настоящее. Саша, когда я смотрю на этих людей, во мне с новой силой оживает боль за тебя и я думаю: «А мой сынок ни разу не надел орденов, так и лежат они в шкапулочке вместе с письмами, ждут своего часа». Я верю, Саша, я всё ещё верю, что настанет день, когда ты вернёшься и наденешь свои награды.

Сынок, сегодня с трибуны во время митинга, как и каждый раз, звучало твоё имя. Тебя называли в числе самых достойных людей города. Тебя помнят и чтут. Только... опять говорили о тебе в прошедшем времени. Я устала спорить с

людьми, доказывать, что ты жив. Да и к чему это? Я-то знаю, что это так, вот что главное.

Столько лет минуло с той поры, как кончилась война. Одни уже успели позабыть о ней, поспешили вычеркнуть войну из памяти. Другие и вовсе знают о ней лишь понаслышке. А я все эти годы несу её груз на своих старых плечах.

9 мая 1974 г.».

* * *

Что это? Вот и кончились письма. Осталось одно, последнее, не дочитанное мною, в конверте за номером 42. В нём письмо, написанное Надеждой Ивановной перед самой её смертью в марте семьдесят пятого года. Именно с него я начала чтение, а потом решила, что нужно читать письма в том порядке, как они размечены. Вложила тогда непрочитанные листки назад в конверт. Вот что на них было написано:

«Здравствуй, Сашенька! Что-то здоровье моё стало сдавать. Сегодня с утра такая боль сжимает сердце, что не нахожу себе места. Валя на работе. Обещала вызвать на дом доктора. Обычно врачи начинают обход по вызовам после обеда. Так что у меня есть время поговорить с тобой. Валюша настаивала на скорой, а я успокоила её, что ничего страшного, и уговорила ограничиться вызовом врача. Это чтобы выкроить время на письмо к тебе. Не хочу думать об этом, но боюсь, как бы оно не стало последним. Мысли о смерти тревожат меня только по одной причине: ты вернёшься, а меня здесь не будет.

Впрочем, может, я ещё сумею выкарабкаться. Не раз ведь бывало, что вот так же барахлило моё сердце, а потом отпускало. Ну, а если не судьба нам свидеться с тобой, за меня поговорят письма. Они-то, надеюсь, тебя дождутся. Сашенька, я верю, что ты жив. Верю, несмотря ни на что, даже на ту бумажку, что прислали мне в январе сорок пятого. Когда я получила на тебя похоронку, жизнь сразу потеряла для меня всякий смысл. Месяца три тогда не жила я, как говорится, не умирала. Не понимаю, как ещё ходила в школу, вела уроки. Но, слава богу, хватило здравого смысла никому ни словом не обмолвиться о той бумаге. Я и сама прочла её единственный раз. Хотела было сжечь и пепел развеять, чтобы и следа не осталось. Потом взяла себя в руки, обдумала всё и решила, что неправда это. Не может быть, чтобы всю войну всё шло у тебя гладко и вдруг в конце её что-то оборвалось. Ещё я решила, что тебе, должно быть, поручили новое, более ответственное, чем пре-

жде, секретное задание. А бумагу о твоей гибели мне просто с целью конспирации прислали. Чтобы на время и я, и все остальные тебя из списка живых исключили. Остальные пусть как хотят, но для меня ты живой!

Чтобы больше никогда не видеть, не читать эту страшную бумагу, я её запечатала наглухо в конверт и оставила только для того, чтобы при встрече тебе показать. Остальные конверты с письмами я не заклеивала, потому изредка перечитывала их, оживляя в памяти прошлое.

Когда ты, сынок, будешь читать мои письма, в твоих руках окажется один запечатанный конверт с тем страшным сообщением о твоей гибели. Я хочу, чтобы ты сам справился с этой бумажонкой...

Внизу хлопнула дверь. Может, это врач ко мне. На этом закончу письмо. Бог даст, всё обойдётся, тогда ещё напишу тебе, мой родной.

Твоя мама. 14 марта 1975 г.»

* * *

Значит, Надежда Ивановна в конце войны получила официальное сообщение о гибели сына? Она никогда не говорила мне об этом. Как, впрочем, и никому другому. А весь город знал... Помню, как с жадным интересом читала она статью о Саше в городской газете. А дойдя до слов о его гибели, нахмурилась, отложила газету и сказала расстроено: «Опять напутали».

Помню ещё, как после похорон Н. И. Климовой мы с учителями поминали покойную в её, а теперь моей квартире. Перед тем как уйти последней, Левашкина задержалась.

Деловито осмотрела комнаты, всё убранство квартиры и деловито проговорила:

– Тебе здесь, Валентина Петровна, надо бы всё переделать. Квартира сама по себе неплохая, но обстановку надо срочно менять. Этот гардероб, этот жуткий допотопный шкаф, буфет, оттоманку – всё! Пусть постепенно, в рассрочку или как там, но приобрети новую мебель. А это старьё вряд ли кто купит даже по дешёвке.

– Я ничего не собираюсь здесь менять, – воспротивилась я. – Это не моё имущество.

– А чьё? – воскликнула Левашкина. – Чьё, дорогая ты моя? У старухи, извини, у Надежды Ивановны, никого в целом мире нет. Или ты серьёзно поверила в её бред о где-то здравствующем сыне? Я не хочу плохо говорить о покойной. Но, согласись, эта её навязчивая идея о каком-то секретном задании Александра не что иное, как помешательство. Все мы жалели несчаст-

ную, прощали ей странности, нервные срывы... Я сама мать и представляю, что значит потерять единственного сына. Хорошо ещё, на умственных способностях эта болезнь Надежды Ивановны не очень отразилась. Поэтому и разрешили ей работать, даже когда она должна была уйти на пенсию. Вошли в положение... И не смотри ты на меня так, Валентина. Ты-то, надеюсь, человек здравомыслящий и должна воспринимать действительность реально. Александр Климов – герой. Но он погиб! Его нет. У нас в школе все данные имеются. Следопыты делом Климова занимались. Так что не забивай себе мозги чепухой... Ладно, пойду я, – сказала Левашкина и ушла наконец-то.

Александр Николаевич Климов родился в 1922 году. Уже в мирное время статистики подсчитали, что из ста молодых людей этого года рождения, ушедших на фронт, остались навсегда на полях сражений девяносто семь... Только трое из сотни вернулись домой.

Я опять окидываю взглядом комнату, в которой провожу большую часть свободного времени. Всё здесь так, как было при Надежде Ивановне, при Саше. В старинном гардеробе висит на плечиках их верхняя одежда, по полкам разложены их вещи. В объёмистом книжном шкафу книги и папки с бумагами. На кухне поделки, изготовленные умелыми руками главы семейства – Николая Яковлевича. Ничего менять я не собираюсь. Так будет здесь всегда, пока я живу.

Письма матери. Складываю их стопками в том порядке, в каком они хранились в шкатулке до сих пор. А на донышко кладу завернутые в бумагу награды Александра. Осталось перевязать шкатулку выцветшей голубой тесёмкой. Вот так, крест-накрест и на бантик.

Вдруг когда-нибудь гулкие шаги затихнут за моей дверью? Я подойду к двери, спрошу: «Кто там?» Мне ответит приглушённый от волнения голос: «Это я, Александр». Отворю дверь и тотчас узнаю его: умный взгляд светлых с прищуром глаз, прядь волос, упавшая на высокий лоб, волевой подбородок... Такой знакомый и почти родной человек.

Ведь из каждой сотни ушедших на фронт, тех, двадцать второго года рождения, пусть всего трое, но выжили!

Он шагнёт через порог, окинёт взглядом родные стены, хоть и полузабытое, но всё своё, дорогое сердцу и скажет тихо: «Вот я и вернулся».

А я... Я буду ждать.

108